

Юлия Михалева

НЕВИДИМЫЕ

Банды старой России

Юлия Михалева

Невидимые. Банды старой России

«Издательские решения»

Михалева Ю.

Невидимые. Банды старой России / Ю. Михалева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833830-4

1912 год. Российская империя. Уже несколько месяцев жители города боятся ложиться спать. По ночам на улицы выходит странная банда. От нее не могут спасти замки — убийцы проникают в дома без взлома. Хозяев вешают, ценности забирают — и скрываются, как и вошли, без следа. Они словно проходят сквозь стены. Что станет с тем, кто попробует их обнаружить?

ISBN 978-5-44-833830-4

© Михалева Ю.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	14
3	21
4	29
5	37
6	44
7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Невидимые
Банды старой России
Юлия Михалева**

© Юлия Михалева, 2016

ISBN 978-5-4483-3830-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Раннее майское утро обещало погожий вторник. Как и в любой присутственный день, улицы ожили с рассветом, заполнившись звуками и суетой. Еще не успели скрыться уборщики да дурно пахнущие возчики нечистот, как в обход вдоль домов пустились торговцы снедью.

– Булки! Свежие булки!

– Молоко сахарное! Сметана! – выкрикивали они, останавливаясь у каждого порога и задрав голову. Не выглянет ли из какого окна желанная картонная коробка на веревке? Если таковая спускалась, то, сосчитав оставленную на дне плату, торговцы заменяли ее равным по цене товаром.

Покатили ручные мастерские сапожники, точильщики, лудильщики.

– Латаю обувь! Кому нож наострить? Утварь поправить! – оглашая улицу криками, они, впрочем, не слишком рассчитывали на ранний спрос.

Зевая, лавочники проминались у входов в свои заведения, но пока не торопились их открывать. Водовозы галдели, заняв очереди к колонкам.

Вдалеке, за доками, проснулся монстр – чугуноплавильный завод – и протяжно призвал рабочих в цеха. Мастерские и мануфактуры отозвались скрежетанием станков.

Голосистые газетчики заняли места на перекрестках, которым вскоре предстояло стать оживленными. В ожидании наплыва они заманивали первых прохожих свежими новостями – отпечатанными накануне ночью, маркированными и остро пахнущими типографской краской.

– Их величества посетили Москву! Братья Мамедовы поднимут потонувший «Титаник»! Скандал в Казани – буйный солдат расстрелял офицера!

На мостовой зацокали копытами лошади, загрохотали телеги, заревели несчастные автомобили.

Высыпавшие из домов слуги скорым шагом направились по будничным поручениям – прикупить на базаре яиц, только что выловленной рыбы да свежесорванной зелени.

Промелькнули и благородные лица. Одни из тех, кому они принадлежали, припозднились и только сейчас возвращались в свои гнезда после ночных походов. Другие – ранние пташки, оригиналы, специально вышедшие на утренний променады – казались единственными, кто никуда не спешил.

Прохожий в ветхом темно-коричневом пиджаке не относился ни к слугам, ни к благородным. Сопя, хрипя, энергично двигая руками в такт движению, он быстро шел по улице, не обращая внимания на взгляды, полные отвращения и любопытства.

– Вот страхолюдина! – испуганно воскликнула молодая горничная.

Человек оттеснил ее от бродячего торговца, пройдя между ними. Непроизвольно отшатнувшись, она тут же обернулась вслед – словно желая убедиться, что на свете и впрямь может существовать кто-то, настолько уродливый.

Так поступал каждый, кто его видел.

– Урод! Смотрите, какой урод!

Внешность прохожего в самом деле не отличалась благообразием. С непокрытой головы свисали грязные серые клочья – они чередовались с частыми крупными проплешинами. Выступавший каплевидный лоб сильно выдавался вперед, нависая над широко расставленными маленькими глазами. Нос – распухшая красная капля, и формой, и размером с мелкую картошину. Верхняя губа разделялась надвое, являя такую же раздвоенную челюсть и сгнившие остатки зубов. Вдобавок ко всему кожа человека была изъедена оспой.

– Да у него усест вместо рожи!

Однако смешками и оскорблениями ограничивались даже самые бойкие гуляки, не протрезвевшие с ночи. Никто не отваживался бросить камень или комья грязи уходившему в спину: к отталкивающему лицу прилагалось чересчур массивное плотное тело.

Человек не любил появляться на людных улицах, а если такое случалось, то всегда торопился поскорее укрыться. Но сейчас он спешил совсем по другим, одинаково важным причинам: быстрее уйти как можно дальше от места, из которого шел, и достичь того, куда стремился.

Сильно оттолкнув замершую посреди тротуара прачку, он продолжил свой путь, вбивая тяжелые шаги в землю.

Ойкнув и едва не выронив корзину с бельем, она, как и все остальные, непроизвольно обернулась и посмотрела вслед.

– Ох, какое чудище!

Прачка – ее звали Матреной – сегодня припозднилась. Помимо стирки, она прибиралась сразу у трех хозяев, и по времени ей уже следовало бы заканчивать у второго. Матрена же не добралась и до первого. Задолго до рассвета младший умудрился тайком выбраться из дома, полезть на крышу и упасть, разбив о камень голову. Ничего страшного, конечно – она у него пустая, но хлопот, однако, прибавил.

Стараясь забыть о случайной встрече – хотя изуродованное лицо так и застыло перед глазами – Матрена пошла дальше, к высокому узкому дому. Он стоял немного в стороне, словно чуждаясь местного общества – точно, как сам Старый Лех.

Так. Сначала нужно разложить по ящикам чистое белье. Постиранное в речке и высушенное на воздухе, сегодня оно отчего-то особенно сильно пахло свежестью. Матрена даже не стала перекладывать его саше. Потом она приготовит обед, приберется в комнатах...

Впрочем, нет, о чем это она? Чуть более пары недель назад Старый Лех твердо запретил подниматься наверх.

Интересно, почему? Что он там натворил?

В последнее время хозяин точно повредился в рассудке. Наказы пошли – один страннее другого. Сдавал старик, да и понятно: годов-то сколько, давно уж чью-то жизнь зажил.

Однако, оно и к лучшему – чем меньше работы, тем быстрее Матрена управится.

Она подошла к парадному входу – черный давно стоял запертым изнутри за ненужностью. Придерживая одной рукой корзину, на всякий случай потянула дверь. Закрыто, как и ожидалось: Старый Лех, по своему обычаю, крепко спал. Он всегда любил подремать подольше – со стариками такое бывает нечасто.

Сняв с шеи веревку с ключом, прачка отперла дом и вошла.

– Лех Осипович! Это я, Матрена. Вы спите? – для порядка крикнула она, но не слишком громко, чтобы не разбудить хозяина.

Ответа не последовало, и прислуга споро взялась за дело. Разожгла плиту, поставила греться воду, сложила выстиранное в шкаф коморки у кухни.

Неделя прошла – пора забирать стирку. Однако Старый Лех ничего не оставил. А как горячо обещал лично сносить ко вторникам вниз все грязное! И в прошлый раз даже сдержал слово. Только, понятно, на большее его не хватило. Да и где это видано, чтобы хозяева сами складывали свое исподнее? Пошалил старик, да и хватит.

Матрена хохотнула: о том, чтобы вовсе не стирать, речи не шло. Найдя достойное оправдание запретному посещению второго этажа, прислуга повесила опустевшую корзину на сгиб руки и, грузно переваливаясь, вскарабкалась по ступенькам.

Там, наверху, находилось пять комнат – спальня хозяина, его кабинет и три запертые гостевые. Прежде, пока не поступил странный наказ, Матрена открывала их каждую пятницу,

смахивала пыль да меняла чехлы, скрывавшие мебель, на свежие. Уборка этажа занимала часа три, не меньше. Страшно представить, сколько времени потребуется на нее теперь.

Кабинет старик оставил открытым. Из его окон до коридора добрались солнечные лучи. В них резвилась и нежилась пыль, которая – совершенно точно – успела оплести все.

Однако, пожалуй, начать в самом деле стоило с грязных рубах. А там, если Старый Лех не проснется, можно украдкой прибраться. К другим все равно опоздала, а старик, не ровен час, задохнется.

Матрена осторожно толкнула дверь, но та не открылась, встретив препятствие. Ее словно чем-то подперли. Старый Лех, поди, разбросал прямо под ней одежду. Он не отличался аккуратностью – это верно.

Прачка навалилась плечом и надавила. Образовалась щель, в которую стало видно кровать – но хозяина на ней не было. Странно. Раз он уже поднялся, то отчего молчал?

– Лех Осипович! Вы не оставили мне белья... – чересчур весело-добродушно – как с младшим, когда его следовало уговорить, не допуская слез – объявила Матрена.

Но ни ответа, ни шороха из других комнат не последовало. Он что, заснул в кресле?

Пришлось приложить силу, чтобы расширить вход достаточно и суметь протиснуться.

Теперь стало ясно, почему дверь не открывалась. К ее ручке тонкой веревкой был привязан за шею сам Старый Лех. Выпрокинув язык, он в упор смотрел на Матрену белками мертвых глаз.

Прачка вскрикнула, и, отбросив корзину, бросилась прочь из комнаты. Быстро, совсем, как в пору гибкой юности, добежала до парадной двери, схватилась за ручку – однако, остановленная внезапной мыслью, убрала руку.

Отдышавшись, она вернулась на лестницу.

Задолго до того, как к дому Старого Леха прибыли сыскари, у порога собралась толпа зевак. Городовые, приведенные Матреной из ближнего участка, с трудом сдерживали желающих заглянуть внутрь. А таковых имелось немало, начиная от любопытных студентов и заканчивая шаромыжниками. Прослышав о том, что Старый Лех собирал антиквариат, они очень надеялись чем-нибудь поживиться.

Число зрителей росло, как снежный ком, прибавляясь не только бездельниками да прислугой, но и чиновниками, спешащими на службу.

Ближе всех ко входу расположились три репортера и фотограф, зорко оберегавший свою тяжелую треногу от посягательств и неосторожных движений. Они прибыли одними из первых – вот у кого сыщикам стоило поучиться скорости. Не добившись ничего от городских и отчаявшись проникнуть в дом, репортеры перенаправили все внимание на Матрену. Она, не привыкшая к такому интересу, покраснела красными пятнами, но отвечала охотно – если успевала вставить слово.

– Дверь точно была заперта? Вам не показалось? – в очередной раз переспрашивал бойкий молодой репортер по фамилии Бирюлев – щеголь с кокетливо закрученными усами.

– Как же могло – я ведь ее своим ключом открывала.

– Определенно, снова невидимые!

– Не спешите с выводами, дорогой коллега. Господин Коховский мог просто покончить с жизнью, – мрачно заметил крупный, низкий обладатель мясистого носа, пришедший в паре с фотографом.

– Но вы ведь и сами не верите в это, сударь? Иначе бы не прибыли сюда, не так ли? – недобрые взгляды, которыми перебрасывались репортеры, мало вязались с елейными нотами в голосах.

– Да Лех Осипович не стал бы... Он совсем не таков, – вставила Матрена.

– Но наверняка мы того не знаем, – продолжал гнуть свое мрачный. – А может, и вовсе нет никаких невидимых? Я вот в них не очень-то верю. Весна, одинокие пожилые господа решили свести последние счета. Черда совпадений, не более.

– Да вы шутите? – возмутился Бирюлев. – А как же ценности?

– Их могла прибрать и прислуга, потому как точно знала, что где лежит, – мрачный усмехнулся, выразительно посмотрев на Матрену.

– И все-таки четыре пожилых господина за один месяц не могут быть случайностью.

– Дама. Среди погибших одна дама, – вмешался третий, не по возрасту безусый и угреватый. – Не знаю, как господин Коховский, но что до первых трех, так в полиции признали – их достоверно задушили.

Бирюлев, к неудовольствию коллег, черкнул в блокноте.

– Да и с прислугой тоже не сходится, – продолжил угреватый. Стремление показать себя знающим победило желание утаить информацию от конкурентов. – Полиция первым делом на нее и грешила. Но вышло так, что господин Грамс рассчитал свою задолго до нападения, а госпожа Павлова отпустила к родным. То есть прислуга, да и то – проходящая, имелась только у полковника и господина Коховского.

– Что же пропало? – обратился Бирюлев к Матрене.

– Так я ж не знаю. Гляжу, вроде не хватает кое-чего...

– Чего?

– Ну, вот часы у Леха Осиповича были. Большие. Золоченые. В кабинете стояли. Фигурка мраморная в спальне. И еще...

Не дослушав, репортеры бросились наперерез двум сутулым фигурам, подходившим к дому.

– Это снова невидимые? Четвертый случай?

– Кто-то подозревается?

Выставив вперед ладонь, старший сыщик – вислоусый и хмурый – без слов проследовал дальше. Тот, что помоложе, немного отстал и собрался что-то ответить, но, взглянув на коллегу, тоже решил сохранить молчание.

Кивнув городовым, сыщики зашли в дом.

Одновременно послышался хлопок и запахло магнием. Однако, судя по выражению лица, фотограф в сделанном кадре сомневался.

Репортеры вернулись на свой пост у входа.

– Четвертый случай, говорите? – спросил, подойдя ближе, господин в бежевом сюртуке и котелке.

– Да, и все с периодичностью в две недели, – отвечал, внимательно глядя на дверь, угреватый.

– Как вы сказали? Невидимые?

– Так их прозвали. Проникают в дома, не оставляя следов взлома.

– Однако. Кто бы мог подумать, – зевака сокрушенно прищелкнул. – И как же они это делают? Подбирают ключи?

– Похоже на то. Если бы жертвы впускали их сами, то двери не остались бы запертыми. Но есть и другие странности, – язык угреватого окончательно развязался. – В полиции говорили, что погибшие не сопротивлялись. Их как будто застали врасплох.

– Спали?

Репортер покачал головой.

– Видели бы вы, где их нашли! Посмотрел я на двух последних.

– А я лично самого первого обнаружил, – вставил Бирюлев.

– И вещи. Никакого беспорядка. Они точно знали, где что лежит. Не брали все подряд. Сейф полковника... – угреватый кашлянул и пресек поток откровений. – Орудует банда. Это всем очевидно.

– Верно говорите, – откликнулась позабытая Матрена. – Я поняла, что в комнатах что-то не так, но если бы не Лех Осипович, то и внимания бы...

– Неужто всех убили тут, у нас? – перебил рабочий с разбитой губой и глубокой ссадиной на переносице – долговязый и до того худой, что поношенная поддевка висела на нем мешком. Он уже давно прислушивался к разговору.

– Не совсем. Здесь проживал только господин Грамс. Полковник и госпожа Павлова жили в других – и разных – кварталах.

– Мануфактурщица, – кивнул рабочий. – Как-то к ней нанимался. Слышал, будто помещалась она под конец.

– Так вот и мой старик... Лех Осипович. Тоже в уме повредился, – оживилась Матрена. Репортеры внимательно слушали, и она продолжила.

– Сказал мне никуда дальше первого этажа не ходить. Разговаривал сам с собой, смеялся. Велел еду для гостей готовить и на стол накрывать, будто бы кто его навещал – но ни разу такого не видела. Да и прачка я, не кухарка...

В стороне послышалось улюлюканье и игривый смех.

– Сударыня, постойте! Куда вы спешите? Пойдемте с нами.

– Не пристало такой, как вы, да одной.

Следом показался и источник оживления – молодая женщина в вечернем платье, выглядывающем из-под черного шелкового пальто. Шаловливые голоса не преувеличивали: она, в самом деле, и притягивала взгляды, и едва ли могла называться дамой. Бледная, с тенями усталости под глазами, барышня явно возвращалась с ночного ремесла. Впрочем, для обычной проститутки чересчур дорого одета.

Она тоже присоединилась к зевакам.

– Хороша чертовка! – заметил господин в бежевом.

– Это Елена Парижская, актриса, – уточнил Бирюлев.

– Какого театра?

– Ммм... «Париж».

– Что за театр такой? Впервые слышу, – мрачный, похоже, имел привычку отрицать совершенно все.

– Недавно открылся. На средства меценатов.

– То бишь, ее кота? – неприятно засмеялся рабочий.

– Всякое болтают...

– И что, хорошо играет? – с недоверием спросил мрачный.

– Ну... играет. Во всяком случае, посмотреть есть на что.

– Да, бесспорно!

– И каков же репертуар? – продолжал мрачный, явно не ценитель прекрасного.

Бирюлев ответил с некоторым сомнением:

– Кажется, я посещал «Даму с камелиями». Но в нынешнее воскресенье премьеры. Будут давать «Три сестры».

Мрачный переглянулся с фотографом, совещаясь – стоит ли им упускать культурное событие. Раз уж шли серьезные постановки, то, может, новый театр и впрямь заслужил упоминания в газетной колонке.

– Да вы приходите, не пожалеете, – кокетливо растягивая слова, предложила сама виновница разговора.

– Благодарю за приглашение, сударыня. Если будем свободны, – сухо отвечал мрачный.

Господин в бежевом, наоборот, весьма живо уверил в своем визите.

– Но не желаете ли вы, сударыня, прежде отобедать со мной? – не стесняясь посторонних, поинтересовался он.

Актриса, смеясь, отказала и принялась расспрашивать о происшествии. Угреватый репортер в очередной раз пересказал всю историю, коря себя за болтливость.

Вскоре даже праздные зеваки, устав ждать новостей, начали разбредаться.

Бирюлев с завистью смотрел на уходящих. Он бы охотно к ним присоединился, однако халтурить на глазах конкурентов не подобало.

Наконец сыскари вышли. Городовые, что прибыли ранее, вошли по их указке в дом и вынесли завернутое в простыню тело Старого Леха. Его принялись укладывать в крытую коляску, чтобы отвезти на осмотр судебного медика.

Полицейские опять не сказали репортерам ни слова, но теперь, с их негласного согласия, стало можно быстро осмотреть дом.

Младший из сыщиков достал платок и высморкался. Никто не обратил на это внимания – кроме того, кому адресовался знак.

Стараясь не привлекать к себе лишнего интереса – задача не из простых – дама в вечернем платье направилась к городovým, грузившим тело.

– Ах, отец! – вскрикнула она вполголоса.

Полицейские, обернувшись, посмотрели на нее.

По щекам Елены Парижской – четверть века назад при крещении ее нарекли Марией – потекли слезы. Прижав руки к груди, она тихо взмолилась:

– Покажите мне его! Я хочу взглянуть на отца!

Оглядев барышню, один из полицейских хмыкнул и скатал часть простыни. За утро он успел выяснить, что покойный Лех Коховский был вдов и наследников после себя не оставил. Однако отчего и не показать, если красивая дама просит?

Елена вздохнула. Тиски, перехватившие грудь, разжались.

– Ох, это не он... Не мой отец. Простите. Я так напугалась! Мне сказали... А я только с дороги...

Многозначительно усмехнувшись, городовые продолжили свое занятие.

Дел здесь больше не оставалось, и Елена, наконец, пошла домой, в арендуемые комнаты. Теперь, когда она убедилась, что на полицейской коляске уехал незнакомый старик, хотелось немедленно отправиться в постель. Пожалуй, даже не раздеваясь.

В дороге она погрузилась в раздумья и не замечала ни взглядов, ни восклицаний. Ночь выдалась насыщенной – и хорошим, и тревожным. Как в калейдоскопе, пережитые картины сменяли одна другую.

Постановка вновь собрала полный зал. И пусть публика собралась непритязательная – студенты, приказчики да молодые кутилы – это уже определенно можно назвать успехом.

Однако через момент тщеславную радость смыло ледяным дождем. Перед глазами возник мерзкий урод: ощерив страшную пасть, он надвигался, раскрыв объятия. О, какая гадость!

Отгнав видение, Елена вернулась мыслями к театру, но теперь те стали тревожными. Не слишком ли они поспешили, взявшись за серьезную вещь? А если провал? Их освистают!

Актриса незаметно для себя дошла до жилища. Поднялась в комнаты, постучала. Дверь – точно, как в благородном доме – отворила смазливая горничная. Она уже пообвыкла, и сама, без напоминания, сняла с хозяйки пальто.

Теперь можно и отдохнуть. Пройдя в спальню, Елена упала на кровать. Раскинула руки, потянулась – и коснулась записки, оставленной на подушке. Сразу ее не приметила.

«ВВ – КЯ»

– Нет! Только не снова! Зачем? Ну зачем? – скомкав от досады листок, Елена метко бросила его, угодив в корзину.

Дождавшись, пока все внимание опять перейдет к дому, любопытный рабочий, что говорил с репортерами – Макар Веселов – отделился от толпы. Он пару раз прошелся мимо, прислушиваясь к разговорам, а потом неспешно двинулся прочь.

Прогуливаясь, миновал два квартала и достиг отнюдь не фешенебельной, но и не совсем отпетой гостиницы «Офелия», где останавливался рабочий люд и небогатые торговцы. Там можно было не опасаться лишних взглядов.

Не подходя к портье, Макар направился прямо в верхний третий этаж и отпер дверь номера своим ключом. В ожидании встречи устроился в просиженном скрипящем кресле, закурил папиросу и погрузился в невеселые мысли.

К моменту, когда дверь номера, наконец, открылась, Макар давил в латунной тарелке уже третий окурочок.

Не поздоровавшись, сыщик Червинский – младший из пары, что посещала дом Старого Леха – брезгливо устроился на краю кровати.

– Что ты узнал?

– Все тоже самое, что и в те разы. Болтают, будто и господин Коховский помешался, как остальные.

– И что мне с того? Кто это делает? Может, кто сбыть похищенное пытался? Или в какой малине кто хвастался?

– Я туда не ходок... Вы же знаете, – глядя в пол, понуро заметил Макар.

Сыщик поморщился, утирая пот со лба тем самым платком, каким прежде подавал знак. День и впрямь выдался жарким – утро не обмануло.

По неопытности он грубо ошибся: Веселов совсем не подходил на ту роль, что ему отводилась.

– От тебя никакого толку. Для чего я тебе помог?

Макар не нашел, что ответить.

– Что еще?

– Говорят, что ключи подобрали.

– Это очевидно и младенцу. Иначе как они проникли внутрь, не ломая замки и не трогая окна? Через печную трубу? Через водопровод? Или, может, через нутник?

Рабочий улыбнулся шутке, еще пуше обозлив Червинского.

– Смешно? А нам пришлось все проверить, чтобы исключить и такие возможности, представь себе! Все, Свист. Я устал тебе помогать, ничего не имея взамен. Либо ты до конца недели принесешь мне что-то дельное, либо разговор с тобой будет другой.

Макар понимал, что момент совершенно неподходящий, но больше ждать удобного случая он не мог. И так уже почти две недели собирался с духом – с тех самых пор, как подслушал занятный разговор в кабаке. Как же он тогда испугался! Даже спрятал под стол дрожавшие руки, опасаясь, что они его выдадут.

– А не могли бы вы мне... дать немного денег?

Червинский опешил.

– Тебе мало, что не гниешь за решеткой? Да родная мать бы не сделала для тебя того, что я. И ты еще смеешь просить плату?

Поднявшись с кровати, разгневанный сыщик покинул номер, бросив на прощание:

– Я тебя предупредил!

Рабочий закурил очередную папиросу, следуя указанию выжидать время.

Он вовсе не хотел так злить Червинского, и теперь корил себя за то, что решился задать вопрос. Стало только хуже, и Макар пуще прежнего опасался – и если бы только за себя!
Но как войти в милость и выполнить то, чего сыщик требовал, он не знал.

2

– Что с невидимками, Георгий? Будут новости?

– А то как же, Константин Павлович. Именно сейчас и пишу.

– Молодец. Продолжай. Народ-то глянь, как интересуется. Опять сколько писем пришло. Почитай, – Титоренко, редактор не слишком крупной газеты, положил на стол пачку конвертов.

Бирюлев послушно вскрыл самый верхний. В нем наверняка таились переживания взволнованной матери семейства. Точно! Некая «Л.А.» сообщала, что пребывает в тревоге за супруга, четверых детей и себя. А может, и за прислугу. Дочитывать терпения не хватило.

– Беспokoятся, – поддакнул репортер, невольно глядя на влажные седые кудри, мелькнувшие в расстегнутом вороте редакторской рубахи. Не слишком приятное зрелище.

– Точно. Это значит – ждут вестей. Другими словами – жаждут купить нашу газету. Так что, Георгий, за работу.

С того момента, как в городе появились невидимые, Бирюлев все чаще привлекал благосклонное внимание Титоренко.

– Черти. Вот и матушка моя нас читает и мается, заснуть не может. Страху-то столько, – высокомерно-насмешливо заметил вертлявый Вавилов – репортер отдела культуры, чье место отчаянно хотелось занять.

Сделав вид, что не понял подтекста, Бирюлев победно улыбнулся. После целого года на последних ролях к нему наконец-то явилось признание – что и подтверждала ревнивая реплика коллеги.

– Я тоже боюсь теперь спать ложиться, – невинно отозвалась Крутикова, единственная барышня в редакции, писавшая советы по домоводству. – Вдруг они начнут нападать не только на одиночек?

– Будем верить, что злодеев скоро поймают, – резюмировал экономический обозреватель Демидов.

Бирюлев кивнул, про себя надеясь, что убийцы останутся на свободе как можно дольше.

Для него они стали подарком судьбы. Невидимые не только придавали репортеру весу и важности, суля премию. Они, помимо того, еще и весьма оживляли пресную рутину хроники происшествий, куда его с первого же дня сослал Титоренко. Каждый раз – одно и то же: «Женщина лет 40 перерезана товарным вагоном». «Мещанин убит в трактире в хмельной драке». «Купец ограблен в доках». Тут было в пору самому умереть от тоски.

А ведь чуть больше месяца назад Бирюлев лишь по случайности не упустил благодатную тему.

В то утро он возвращался домой, не торопясь в предвкушении семейной сцены. Заметив непривычную толкучку на другой стороне улицы, у порога старого бирюка Грамса, решил выяснить, что происходит.

На крыльце толпились два домовладельца, несколько прислуг и знакомый торговец тканями – он хаживал и к супруге Бирюлева Ирине. Они то стучали в дверь, то пререкались.

– Нет никаких причин для тревоги. Он просто уехал, – ворчал один из соседей. – Сегодня утро воскресное, могли бы свой меркантильный интересец и отложить, вместо того, чтобы будить криками всю округу... Я уж подумал, пожар.

– В третий раз прихожу, – возражал торговец. – Господин Грамс велел зайти еще в понедельник, чтобы сочтись. Он много лет у меня покупает, ни разу такого не доводилось, чтобы обманул.

– Не кипятитесь, Иван Сергеевич. Вы-то еще успеете выспаться, а Грамс – человек пожилой да одинокий. Не дай бог, что с ним приключилось, – примирительно убеждал другой сосед. – Велю я Варварке, пожалуй, за слесарем сбегать.

– Как пожелаете. Но смотрите, если спросит господин Грамс, что тут вышло – я ваше решение скрывать не стану.

Вместе со всеми Бирюлев дождался прихода замочника.

Едва собравшиеся переступили порог, как сильный запах поведал, что с хозяином в самом деле неладно. Через несколько шагов обнаружилось и тело, повешенное на резной лестничной балясине.

Служанка взвизгнула и выбежала на улицу, зажимая рот.

– Эх... Не пережил одинокости, грешная душа.

– Высоко от пола-то. Неужто накинул веревку и спрыгнул?

Послали за полицейскими. Бирюлев охотно согласился их дожидаться. Теперь стало незачем придумывать объяснения своего отсутствия дома: он был у Грамса, а сколько часов – неважно.

Прошли в гостиную, и вскоре разговор незаметно скатился к обыденному.

– Хм. Я точно помню, что у покойного имелись прелестные чашки семнадцатого века. Они стояли прямо тут, на камине, – заметил сосед. – Неужто продал? Но зачем? Не слышал я, чтобы он нуждался.

На следующий день Бирюлев рассказал о Грамсе в редакции. К слову пришлось: поддержал Крутикову, когда та жаловалась на шум по вечерам. Однако Титоренко услышал и велел написать заметку.

Минуло несколько недель и история успела подзабыться, когда пришел мальчишка-газетчик.

– Господин, пожелавший не представляться, просит выпуск про первое нападение невидимых, – сообщил он Бирюлеву.

Очередная удача: в тот момент все коллеги как раз разошлись, и до их возвращения репортер успел спокойно расспросить гонца. А затем – рассказать Титоренко о собственном расследовании трех загадочных убийств и – впервые! – получить первую полосу в свежем выпуске.

Однако, несмотря на всю симпатию к невидимым, нынче Бирюлев сидел перед чистым листом бумаги, ломая голову, чем бы его заполнить.

«Невидимые убийцы: свежие известия», – вздохнув, вывел чернильной ручкой.

Но какие, к черту, известия?

Отвечая Титоренко, репортер покривил душой: сегодня их не было.

Еще с утра он, полагая, что дозвониться снова не получится, заходил в полицейский участок. Однако, в отличие от других летописцев местной преступности, Бирюлев пока не завел хорошие отношения с городскими, и потому его в очередной раз разве что только не выставили.

Вычеркнул, написал другое: *«до сей поры на свободе»*...

Вот это новость! Даже думать не хотелось, как отнесся бы к такой заметке Титоренко, попади она к нему на стол.

Бирюлев тщательно зачеркнул строчку и задумался.

«Полиция признала себя бессильной в отыскивании «невидимых», – с мстительным удовольствием, наконец, написал репортер, вспоминая грубость, с которой его встретили полицейские.

«Минул месяц с тех пор, как жители забыли о ночном покое. Банда преступников продолжает проникать в дома под покровом темноты, грабя и убивая»...

Работа пошла.

«Напомним, что 29 мая сего года приходящая прислуга нашла тело четвертой жертвы „невидимых“ – тайного советника Л. Й. Коховского. Первый убитый, отставной чиновник канцелярии О. Ф. Грамс, был обнаружен соседями 15 апреля. Спустя две недели, 27 апреля, стало

известно о гибели А. П. Павловой, владелицы текстильной мануфактуры (о том в полицию сообщил ее управляющий). 14 мая полковника В. С. Рябинина нашла задушенной пришедшая с визитом сноха. Все жертвы „невидимых убийц“ были состоятельными, но при том вдовыми, жили одиноко и затворнически. Можно утверждать, что преступления совершены с целью грабежа, так как из всех домов похищены ценности. Однако до сей поры не имеется ни одного подозреваемого. Сегодня полицейские признали, что преступники оказались слишком хитры, и, если они не оставят следов и впредь, то отыскать их не представляется возможным».

Бирюлев улыбнулся. Городовые примерно так и сказали.

«Единственное, что стало известно – „невидимые“ попадали в дома, подобрав ключи. По такой причине двери оставались запертыми – их закрывали за собой, уходя, сами преступники. Выждав время, чтобы жертва уснула, ее душили, привязывая к ближайшим предметам», – ну и что с того, что все это лишь слухи?

И подпись – «Приглядчик».

Поступая в газету, Бирюлев надеялся писать о событиях культуры. Даже псевдоним взял подходящий: «Зритель». Циничный Титоренко нашел его остроумным, так что первое время репортер подписывался именно им. Однако вскоре возмущение читателей стало довольно громким – пришлось назваться «Приглядчиком». Но Бирюлеву новое имя понравилось больше прежнего. Оно, казалось, говорило о том, что он смотрит за происходящим откуда-то со стороны, и, быть может, и сверху.

Перечитав, репортер остался доволен. Хорошо вышло.

Осталось только показать Титоренко, и можно будет, забыв о невидимых, выйти наружу, в первый летний день. И, например, снова посетить театр... хотя бы и тот новый, что неподалеку, и который упорно зовут шалманом. Опять взглянуть на прекрасную Елену, пусть актриса она и нукудышная.

Прихватив портфель и исписанный лист бумаги, Бирюлев направился в кабинет редактора.

Оказалось, что смерть одного-единственного Старого Леха освободила крайне много утреннего времени. Матрена даже встала позже, но все равно успела переделать все задолго до обычного часа выхода из дома.

Впрочем, сегодня прачка в любом случае не собиралась к оставшимся хозяевам.

Спешить было некуда. Странно и непривычно.

Матрена чаевничала – точно, как барыня – глядя в тусклое окно на белье, что сушилось на улице.

Вся куча-мала разбежалась. Старшая, светлоглазая и беловолосая, гибкая, похожая на русалку, спозаранку отправилась стирать, прихватив с собой на реку двух младших. Хозяйственная вышла девка, да только соседи намекали, что как бы в подоле не принесла. Приглядывать-то за ней некому: мать всегда занята.

Э-эх... Когда-то и сама Матрена отличалась пригожестью. Вся деревня заглядывалась – но нет же, выбрала забуддыгу-бочарника. С ним и сбежала в город. Годы прошли, она раздалась и одновременно ссохлась кожей, как старое яблоко. Прачка невольно взглянула на свои руки, обхватившие чашку – красные, распухшие, обветренные.

Что толку вспоминать былое. От сетований на ушедшую молодость мысли снова вернулись к детям.

У младших всегда хорошая доля: они теперь даже в школу при храме ходили. Видано ли – читать выучились. А средних Матрена давно уж определила: одного – в подмастерья плотника,

другого – на текстильную мануфактуру, а третью в няньки отдала. Этих она с тех пор дома почти не видела.

Но какой выбор у вдовы? Как бочарника порешили, так Матрена едва по миру не пошла. Тут уж пришлось на все лады постараться, чтобы кусок хлеба раздобыть. Такого повидала, что и вспоминать не пристало. Благо, жизнь тогда выправилась... а уж почему – какое кому дело?

А теперь Матрена, видимо, и вовсе в гору поднимется.

Отставив чашку, прачка вышла в чулан, поднялась на цыпочки и сняла с притолоки увязанный в тряпье сверток. Старый Лех любил собирать всякий мусор, но говорили, что ценен он куда больше, чем новье.

До чего же хорошо, что в тот день чулки она все же надела. А ведь колебалась, полагая, что на улице слишком тепло. В последний момент надумала. В одном из них и припрятала находку, опутав сверху подвязкой.

Распустив темные волосы по спине, Елена в одном корсете накладывала грим перед зеркалом-трельяжем в собственной – кто бы подумал! – гримерной.

– Я чувствую, что все закончится очень скверно...

На кушетке Алекс, опустив голову, курил едкую папиросу и стряхивал пепел прямо на ковер.

Елена шумно вздохнула, однако намек остался не понят.

– Отчего бы тебе не использовать пепельницу?

Ехидно прищурившись и приподняв треугольные брови, он бросил окурочек в вазу с цветами.

Сдерживаться дальше не хватило сил.

– Сволочь! – схватив маленькое зеркало в медной оправе, Елена запустила его точно в голову Алекса.

Оставив на лбу отметину, оно упало, но отчего-то не рассыпалось на осколки.

– Чего бесишься? Тебе сегодня же принесут новые.

Отвернувшись, Елена решила молчать. Ни к чему выходить из себя перед спектаклем. Однако всего через несколько минут она забыла о своем обещании и снова заговорила о том, что волновало:

– Алекс, скоро точно случится что-то плохое.

Собеседник досадливо скривился.

– Ты опять за свое. Никто не узнает.

– В этом больше нет никакого смысла!

– Дура ты, если думаешь, что все всегда будет так, как сейчас.

Следовало бы оскорбленно заплакать, однако заново накладывать грим уже некогда.

Поворачивая голову, Елена придирчиво оглядела результат. Вблизи вычерненные глаза да брови и меловая кожа выглядели жутковато. Но зато они должны быть хорошо видны зрителям дальних рядов... ведь зал наберется полным?

Оставшись довольна гримом, Елена взялась за прическу. Ее стоило бы делать театральной прислуге, однако актриса никак не могла себе пересилить. Она не терпела прикосновения женщин.

Мысли, тем временем, сделали пируэт и вернулись к премьере, намеченной на воскресенье. От тревоги снова потянуло живот. На уличных тумбах уже расклеили настоящие афиши... Что-то будет?

– Зря мы все затеяли. Не стоило и начинать! Помяни мое слово – добром не закончится.

– Опять зовешь неудачу... Знаешь, что? Раз так – уходи. Прямо сейчас. Десяток вместо тебя найду. Не хуже, чем ты.

Уязвленная Елена на миг утратила привлекательность.

– Правда? Ты так уверен, что любая девка сыграет Ирину?

– Ты про что вообще?

– Про «Три сестры». Забыл?

– А, так ты про это дерьмо, – перемена темы явно пришлась Алексу по душе. – Так бы и говорила.

– Зачем ты только согласился с Щукиным? Во всем идешь у него на поводу.

Он усмехнулся, но промолчал.

– Да, он сказал, что нужно заявить о себе, как о серьезном театре. После, якобы, уже никто не скажет, что я – не настоящая актриса. Но я не смогу! Ничего не выйдет!

– Было бы там, что уметь. Все будет в порядке.

За дверью послышался голос Щукина:

– Десять минут, дамы и господа! Десять минут!

Он обходил гримерные – пока их насчитывалось ровно три. Одну занимала Елена, в других разместились шесть остальных актеров.

– Как, уже? – она встrepенулась и принялась спешно одеваться. Снова справилась без помощи: яркое прямое платье, модное в сезоне, сложностей не доставило.

Начался спектакль, Елена вышла на сцену. Она хорошо знала монологи – да и в целом роль распутной Маргариты Готье не требовала особой игры – потому на реплики отвечала, особо не вслушиваясь, больше оглядывала зал в поисках новых лиц.

В первом ряду Елена заметила настойчивого господина в бежевом, встреченного недавно у дома Старого Леха. Не сказать, что он обладал примечательной внешностью, однако запомнился.

Сдержал обещание.

– Что вам нужно? Чтобы я стала вашей любовницей? – по замыслу реплика должна была прозвучать рассерженно. Однако, произнося ее, Елена словно делала предложение, пытаясь поймать взгляд зрителя.

Интересно, заметен ли столь слабый посыл из зала?

– Но ведь я вам уже сотни раз говорила, что я этого не хочу...

Господин в бежевом послал воздушный поцелуй.

Алекс редко смотрел представления. Надо надеяться, что он не изменил себе и теперь.

Макар весь день прошатался по улицам, тратя время впустую. А ведь мог бы пойти и наняться крючником в доках, предложить помощь на базаре, снова обойти лавки и мастерские. Хотя бы поденно – а там, кто знает, вдруг бы и настоящую работу нашел?

Между тем, хозяин барака, где находилась коморка – дом для самого Макара, его матери, сестры и двухлетнего сына – вчера опять приходил за арендой. Подождать еще немного отказывался. Частями брат не хотел. Сквернословил и грозился выдворить Веселовых с полицией. Мать с сестрой плакали, но не разжалобили.

Оставалось надеяться, что случится чудо – либо женщины нежданно смогут штоккой заработать столько, что покроются все долги.

А все проклятый сыщик Червинский и Макарова глупость.

Однажды – в ту пору его уже прогнали с завода – он отправился искать заработка в порт. Рабочий как раз присматривался, к кому подойти, когда его окликнул хорошо одетый господин:

– Эй, бродяга!

Макар не выглядел настолько плохо, однако, вопросительно глядя, приблизился. Может быть, нужно отнести чемодан или – ну а вдруг? – потребовались руки для разгрузки целой баржи. В таком случае нет никакой разницы – кто, как и кого назвал.

– Заработать хочешь?

Макар с готовностью кивнул.

– Тогда отойдем.

Отошли. Господин достал кошелек.

– Мы бросим его на дорогу. Я спрячусь там, за стеной, а ты встанешь поодаль и примешься наблюдать. Как только кто любопытство проявит – ты тоже подойдешь. Дескать, еще раньше заприметил. Если кто совсем ободраный, то сразу лопатник хватай, и говори, что твой. Если кто пожирнее, то тут предложишь поднять. Если не возьмет, то подберешь сам и дашь ему в руки. Но внутрь смотреть не позволяй. А потом выйду я и скажу, что мой. Открою и пойму, что в нем не хватает. Ты покажешь мне свой лопатник и скажешь, что у тебя там два рубля – я возьму и проверю, пересчитаю твое.

– Но у меня нет. Ни денег, ни кошелька...

– Тьфу, гольба. Возьми, – господин вынул из кармана очередной бумажник и протянул Макару. – Вот, значит, пересчитаю твое, а потом его попрошу. Если он упираться примется, то ты тоже поднажми – якобы, ты же свое показывал. Потом он даст мне лопатник, и я – деру. И ты тоже не зевай, рви со всех ног. Потом встретимся за складами и все поделим. Ну как?

Предложение не вязалось с щеголеватой наружностью, а она, в свою очередь, с грубым выговором. Однако, прельстившись легким, хоть и нечестным, заработком, Макар после минутного колебания согласился.

Забросили кошелек, стали ждать. Вскоре один из прохожих заинтересовался и наклонился. Макар быстро направился в его сторону. Заметив, господин тут же отпрянул и спешно ушел. Все в точности повторилось и в другой раз.

– Псс... – позвал наниматель из-за угла. – Иди сюда, бродяга!

Макар подошел.

– Ты чего их расшугиваешь-то сразу? Ты тихо подходи, гуляючи, а не напролом при.

Пришлось очень постараться, чтобы выполнить пожелание. Макар даже принялся тихо насвистывать, всем видом показывая праздного гуляку, однако снова безуспешно. Едва завидев его, человек, привлеченный находкой, устремился прочь.

Повезло на четвертый раз. Невысокий господин с бакенбардами, заметив кошелек, присел на корточки. Подняв голову, он приметил гуляющего Макара и поднялся, но уходить и не думал. Ждал.

– Ваш? – спросил прохожий.

– Нет. Но я на него смотрел, – ответил Макар, надеясь ничего не перепутать. Невысокий молчал, и потому пришлось продолжать: – Гляжу – неужто что лежит? Кошелек или нет? Любопытно.

– Да...

Указания выветрились из головы, и Макар не сразу смог сообразить, что нужно сделать.

– Посмотрим? – наконец предложил он.

– Можно.

Макар поднял находку.

– Полный, похоже, – заметил он. – Поглядите?

Прохожий протянул ладонь, и Макар положил на нее кошель.

Господин куда-то косился, и, проследив за его взглядом, рабочий увидел своего нанимателя.

– О, вот где мой кошелек! – радостно изумился он.

В ответ прохожий схватил его за плечо. Тот дернулся и бросился наутек, а вот Макар остался. Крепко взяв его за локоть, сыщик Червинский – а это был именно он – потащил задержанного в полицейский участок.

Там Макар рассказал всю историю и отдал бумажник, оставленный нанимателем – набитый, как выяснилось, резанной бумагой.

– Если не врешь, то ты – полный дурак, – у Червинского от смеха аж слезы выступили. – Неужели думаешь, что он бы с тобой поделился?

Сыщик собирался – по крайней мере, так следовало из его слов – на первый раз отпустить Макара. Но потом, как на грех, вошли те самые городовые, которые схватили на забастовке. Казалось, в рабочем не имелось ничего примечательного, однако они все равно признали.

– О, это же стачечник, что у нас в прошлом месяце гостил. Снова какую смуту затеял?

– Нет, ваш политический в простые подкидчики переметнулся, – ухмыляясь, ответил Червинский.

Тогда и последовало предложение: либо Макар отправится за решетку, как опасный рецидивист... либо разношает и расскажет сыщикам, кто такие невидимые и где их можно найти.

Так он впервые узнал о банде, что ныне сживала его вместе с семьей со свету.

– У нас в бумагах ты будешь зваться «Свист» – потому что свистел, как идиот. Кто же так шумит в вашем деле? Встречаться станем не здесь, а в гостинице «Офелия», в пятнадцатом номере. Я дам тебе ключ. Если нужно привлечь меня на улице – не подходи, сморкайся. И я тоже так сделаю. Сообщения для меня оставляй у портье... Постой-ка – ты ведь, поди, неграмотный?

– Грамотный, – с гордостью ответил Макар, окончивший даже не приходскую школу, а несколько классов реального.

– Вот и прекрасно. Значит, как что узнаешь, пиши мне записку со временем, и оставляй Феоктисту. Я тебе тоже буду через него сообщать, когда мы должны увидеться. Ты часы-то понимаешь?

– Помилуйте! На заводе работал...

Выбора не имелось – предложение пришлось принять без раздумий. И с тех пор Макар уже месяц мотался по улицам, наострив крупные уши, да подслушивал по трактирам. Он мимоходом выведал много секретов, но ни один из них невидимых не проявлял.

Единственное, чего Макар до сих пор опасался – это ходить в Старый город, как того требовал сыщик. Говорили, будто кварталы оврага для тех, кого ищет Червинский, дом родной. Но уж слишком опасно, а Макар и без того о неприятностях не сучал. Его дважды побили, заподозрив, что на чужие карманы заглядывается.

Но это не страшно: синяки заживут. А вот снова возвращаться домой с пустыми руками очень совестно.

Денег Червинский не давал, хотя шулеры, что играли в кабаке, говорили, будто бы ищейки хорошо платят своим «лягачам». Кажется, так они называли таких, как Макар. И да, еще грозили убить каждого, кого вычислят.

Устав слоняться и совсем запыхавшись, унылый Макар сел на скамейку в сквере у нового деревянного театра. Там, судя по звукам, уже началось представление.

Червинскому нужна история... История, подслушанная где-то на улицах.

Макар громко рассмеялся пришедшей в голову мысли, напугав прохожих.

3

Как только Бирюлев вернулся, Ирина села за рояль.

Она терзала инструмент весь остаток ночи. Рыдающие, надрывные звуки пронизывали дом. О сне не могло идти речи, даже если зажимать уши двумя подушками.

Сперва Бирюлев мужественно терпел, ворочаясь с боку на бок и мечтая о внезапной глухоте. Однако, пару часов спустя все же сдался. Любая громкая сцена лучше подобной нескончаемой пытки. Хотя, конечно, оставалась тревожная вероятность, что и после разговора Ирина продолжит играть.

– Наслушаться не могу, Иришенька, – ласково, как только мог, сказал репортер, спустившись в гостиную.

Поцеловать или нет? А, чего уж там. Бирюлев подошел к пианистке и наклонился, однако она резко дернулась, больно ударив головой в челюсть.

Пальцы же продолжали вонзаться в клавиши, вынуждая их завывать от боли.

Если бы только уронить на них что-нибудь тяжелое...

Бирюлев устроился в кресле и взял с кофейного стола субботнюю газету. Его материал снова занял первую полосу. «Невидимые убийцы: полиция признала бессилие». Смело. Признаться, думалось, что Титоренко сменит заголовок на менее бунтарский. Впрочем, и так тоже вполне неплохо.

– Жорж, мне нужно одиночество для раздумий.

– Хорошо. Вернись наверх.

– Не только сейчас. Вообще. Я не могу так больше.

Начиналось.

– Ирина, отчего ты не желаешь ничего слышать? Придумываешь разное. Для твоей ревности нет никаких оснований. Я ведь столько раз объяснял: у меня работа, – в доказательство Бирюлев выставил перед собой газету.

– У нас достаточно средств...

– Нет. Я устал от разговоров о том, что проживаю средства жены, – репортер несколько не лгал. Действительность оказалась не столь приятной, как представлялось, будучи двадцати одного года отроду.

– Я намерен сам нас обеспечивать, – интересно, а что бы вышло, если бы он сказал «себя»?

– Дело вовсе не в твоей работе, Жорж, – устало отозвалась Ирина. – Она ведь лишь предлог. Ты должен уйти... Уходи, прошу тебя. Прямо сейчас.

– Ты в самом деле меня выгоняешь?

– Да. Это мой дом, – жестко сказала она, но, спохватившись, тут же добавила: – Мне просто нужно подумать.

Бирюлев не раз представлял, как прозвучат подобные слова. Первое время – со страхом, а потом, пожалуй, и не без смутного тайного ожидания.

Он молча отправился в спальню и достал чемодан. Чего действительно жаль – так покидать привычный уют.

Пока что можно пожить у отца.

Бирюлев начал складывать вещи, когда вошла Ирина.

– Поклянись мне, что ты не лжешь! Что не ходишь к женщинам. Хотя о чем я прошу... Все ведь сама видела.

«Да, Иришенька! Самому удивительно, но на сей раз ты права».

Бирюлев достал нательный крест и для убедительности поцеловал.

– Клянись.

Она прижала руку ко лбу.

– Жорж... Если я ошиблась, то... Впрочем, нет. Мне все равно нужно остаться одной. Возвращайся завтра. Пожалуйста.

Ирина вышла, но, к счастью, отправилась не обратно к роялю, а в кабинет. Вскоре Бирюлев услышал, как она позвала оттуда:

– Маша, принеси чаю.

Разбирать ли вещи обратно? Он подумал и поставил полусобранный чемодан в гардероб. Кто знает, когда застигнет очередная гроза?

Оделся, нахлобучил соломенную шляпу, подкрутил усы. Зевнул.

Дни установились жаркие. Выйдя, Бирюлев зажмурился от яркого света.

– Пончики? – поинтересовалась, неслышно подкравшись, уличная торговка.

Очень кстати. Взяв у нее хрустящий бумажный пакет, репортер подозвал извозчика и отправился к небольшому кирпичному дому на другой конец города.

Постучав дверным кольцом, прислушался, мысленно торопя ленивую прислугу. Но та не спешила. На базар ушла? Не открывал и отец. Воскресенья он обычно проводил у себя, но сегодня, похоже, как назло решил выйти в гости.

Ключ же, в довершение неудач, остался в ящике письменного стола. Бирюлев на всякий случай обшарил карманы – но лишь убедился, что память не подвела.

Возвращаться к Ирине, да еще и вопреки ее просьбе, решительно не хотелось. Можно было только ждать.

Репортер направился к скамейке через маленький сад, где распустились приятные глазу голубые колокольчики. Устроившись поудобнее и достав папиросы, он снова взглянул на дом.

Кажется, или дверь черного хода приоткрыта? Уходя за покупками, кухарка, она же и горничная, очевидно, не стала запирать прямой путь на кухню.

Догадка оказалась верной. Но, заходя внутрь, репортер вздрогнул от предчувствия. Его встретил тот самый удушливый, тошнотворный запах, что и месяцем ранее в доме соседа – старого Грамса.

Не желая даже додумывать, Бирюлев, заткнув нос платком, заглянул по очереди в кухню, столовую, гостиную, кабинет.

Отец лежал на кровати в своей спальне – и, судя по всему, уже давно.

Одиноким пожилым господином, он всю жизнь собирал древние ценные редкости.

Да, дверь не заперли. Первый взгляд, полный ужаса и отчаяния, не нащупал и веревок. Однако Бирюлев был готов поручиться: это снова невидимые.

Еще в пятницу репортер так радовался их появлению на улицах – а теперь вот и сам с ними столкнулся.

Лавка оказалась пуста. Не дозвавшись хозяина, Матрена принялась переминаться с ноги на ногу, разглядывая самовары, шербатые тарелки да поношенные тулупы с блеклыми пуговицами. Потом, устав от безделья, откашлялась, поправила платок и снова крикнула:

– Есть тут кто?

Как и следовало ожидать, никто отозвался. Неужто в чем-то ошиблась? Но сказано было точно: приходи к полудню в лавку старьевщика, что на базаре. Она такая здесь одна. Уже полдень. Что не так?

Похоже, вновь не судьба сегодня дела наладить. Что за напасть! А прачка и к господам опять не явилась. Поспешила путь-то назад отрубить. Теперь надо сильно постараться, чтобы все поправить, пока новый покупатель не сыщется. Прислуги свободной – пруд пруди.

Пожалуй, придется вновь на хворобу младшего плакаться. Авось и пожалеют, хоть и недоброе это дело – недуги кликать.

Над дверью звякнул колокольчик. Вошел небольшой ссутуленный человек в пенсне.

– Матрена? – неприятно взглянул из-за стекол круглыми немигающими глазами.

– Она самая, я.

– Принесла?

Ну конечно, нашел дуру. Как будто она вчера на свет родилась – ходить по таким вот лавчонкам, да не с пустыми руками. Тут можно, глядишь, не только бирюльки лишиться задаром, но и жизни.

Не спроста ведь со Старым Лехом из-за вещицы так обошлись.

И в прежний-то раз как боязно было ее на показ доставлять. Возвращаясь, Матрена все оборачивалась. А потом, в потемках, снова вынесла сверток из дома и хорошо схоронила, никому про то не сказав.

– Покупателя увижу – так тотчас принесу, – расплылась она в неискренней улыбке.

– Так не пойдет. С чем я тебя поведу к нему, дурная ты баба? Он не тебя желает увидеть.

– Кто покупашка-то?

– Не твое дело. Тебе продать нужно или что?

– Ну... Я в первый раз тебя вижу – почему мне знать, что не обманешь? Может, ты товарищ-то заберешь – и был таков?

– Я что тебе, городушник? Зачем ты вообще сюда явилась?

– С покупашкой пришла повидаться. Мне сказали, что мы сперва встретимся, а потом уж договоримся, – твердо сказала Матрена, отбросив напускную приветливость. – Коли он есть, то веди. Коли нету – другого кого найду.

Прачка сделала вид, что собирается уходить. Лавочник, постояв миг в раздумье, остановил:

– Постой-ка.

– Чего? Передумал?

– Ага. Нет никакого покупателя. То есть он – это я.

– От оно как. Чего ж сразу не сказал? Что тянул?

– А ты принесла, что должна? На что мне смотреть? О чем с тобой говорить?

– Так принесу я, принесу. Нынче же, коли скажешь.

– Нет. Завтра носи. Меньше народу на базаре.

– И то верно, – подумав, Матрена поддалась любопытству: – А на что тебе? Продашь?

– Может, оставлю, а может, и продам опосля.

– Небось, втридорога?

– Тебе-то что за печаль? Кумекаешь – мало выторговала?

– Верно говоришь. Накинешь?

– Нет. Это крайняя цена. Ты и без того заломила.

– Так куда мне прийти? Сюда?

– Да, сюда же. К полудню.

– Ну, добро.

Матрена отправилась в обратный путь. Издалека, еще не подойдя к берегу, почуяла дым и слышала крики. Сердце, не согласуясь с головой, подсказало: горел именно ее дом. Приподняв юбку, чтобы не путалась, прачка припустила бегом.

Чутье не обмануло... Однако соседи тушили уже догоравший огонь. Благо, река находилась прямо под боком, да и люд поблизости жил, за свое добро шибко переживающий: перекинется пожар – весь квартал вмиг выгорит.

Поблизости, наблюдая за суетой, заливались слезами младшие, перепачканные в саже, словно черти.

Схватив ведро, Матрена присоединилась к гасителям.

Вскорости огонь потух окончательно. Сердечно поблагодарив соседей, прачка вошла в дом. Снаружи все выглядело куда хуже: на деле же выяснилось, что выгорели только сени да часть кухни, а комната и вовсе не пострадала.

Еще неделю назад событие бы надолго выбило Матрену из колеи, но сейчас она ощущала только легкое сожаление. Хибара, как и вся рухлядь в ней, так и так давно уже ни на что не годились.

Осмотрев ущерб, прачка вернулась на двор и устало рухнула на завалинку. Подбежали дети.

– Это вы, пакостники, учинили? – беззлобно спросила она.

– Нет, мама! Не мы! Мы на речку ходили, пришли – а тут дядьки! Они вещи на улку кидали, а нас прогоняли. А потом все подожгли-ии... – заныл сын.

– Что за дядьки? – замерев, насторожилась Матрена.

– Чужие какие-то. Мы прежде их не видали.

Убираться нужно, прямо завтра же, как только лавочник заплатит. Матрена соберет всех своих птенцов и в очередной раз совет новое гнездо где-нибудь подальше отсюда.

– Сестра-то ваша где? – утирая нос младшему, спросила прачка.

– Ее дядьки забрали. С собой увезли на телеге! – оба, вспомнив, вновь громко заголосили.

Матрена вздрогнула.

– Куда они поехали? – принялась трясти сына.

– Туда, – он неопределенно указал в сторону дороги. Ну, а какого ответа она ждала?

– Они что-то сказали? Хоть что?

– Да. Обзывались, – кивнула девчонка.

– И все? Просто так, не пойми с чего?

– Да-да! А еще велели передать мамке привет от старикаа-аа...

Матрена в сердцах оттолкнула ребенка.

Истории, которые рассказывали у дома Старого Леха... Невидимые убийцы?

Они – сомнений нет – точно искали сверток. Сразу догадались, что он у Матрены.

Боже, что она наделала?

– Мы не можем отменить постановку! Алексей Иваныч, одумайтесь! – по-бабьи голосил Щукин, быстро ходя из угла в угол. От него рябило в глазах.

– Сядь!

Испугался, послушался. Только скулить не прекратил.

– Вы все потеряете! За ваши ведь средства переживаю!

– А не за свои?

Сдержанность давалась непросто.

Сейчас Алекса меньше всего беспокоила кретинская щукинская постановка. Он вообще терпеть не мог все это обезьянье кривляние. Для вложения стоило выбрать куда лучшее – и серьезное – дело. Но раз уж безмозглая Маруська так выпрашивала именно театр, то пришлось согласиться.

Алекс даже думать не хотел о том, сколько стоила забава. Позволял убеждать себя соловьиными байками о грядущих барышах. Только с чего бы им взяться?

А теперь эта тварь просто взяла и сбежала.

Алекс приложился к бутылке с дешевой мадерой.

Маруська так и не появилась после спектакля. Сперва он решил, что она, как бродячая шавка, снова умчалась с очередным псом. Неисправимо. Чего еще ждать от шалавы?

Приди эта сука обратно – ее ждала бы просто хорошая трепка.

Но она не явилась. Ни утром, ни днем. Минула вторая ночь – а ею и не запахло.

Вот дешевка! Неспроста ведь так ныла. Давно что-то замыслила. Ишь ты – кается да сожалеет. Куда там. Видать, кого пожирнее ухватила.

Обвела вокруг пальца, паскуда.

Алекс до боли сжал челюсти.

Мало того, что Маруся сбежала – так еще и совсем не известно, с кем. Кому и что она теперь разболтает – разумеется, выгородив себя?

И ведь никто не признавался, с кем она спуталась. Он аж кулак разбил о потасканную рожу ее лживой служанки – бесполезно. Похоже, Маруся настолько щедро платила. Деньгами Алекса. Без его помощи она бы их ни в жизнь не раздобыла.

Щукин продолжал верещать.

– Чего тебе надо? Разрешение? Тогда валяй, играй.

Распорядитель замолк, со страхом глядя на Алекса.

– Но... как? Как мы справимся без госпожи Елены? Что тут можно поправить, когда представление – через несколько часов?!

– Ты чего ныл? Хотел играть? Все, играй! И попробуйте только провалиться.

– Но... Помилуйте! У нас и без того имелось лишь семь человек актеров на тринадцать ролей, – в глазах Щукина блеснули слезы. Алекс с трудом утерпел, чтобы не вернуть их обратно. – Из господ мы оставили лишь Вершинина, Тузенбаха и Соленого, как я вам и рассказывал. И надеялись, что должным образом представим хотя бы дам... Однако вы ведь гений, Алексей Иваныч! Верно: мы откажемся от Натальи – и тогда Драгунская станет Ириной.

Жирная да румяная ряха Щукина едва не треснула от радости.

Загоревшись, он бросился было на шею Алексу – но вовремя отпрянул. Поспешил из Маруськиной гримерной.

– Где Драгунская? Драгунская! Надежда, ты будешь Ириной. Играем! Играем, дамы и господа!

Двумя большими глотками Алекс допил бутылку и запустил ею в гримировочный стол. Тройное зеркало взвизгнуло и волной осколков схлынуло в комнату.

– Моя собственная гримерная. Моя мечта, – передразнил он Елену Парижскую.

Подойдя к столу, Алекс взял тюбик и выдавил черную, как вакса, мазь прямо в центр ковра. Туда же всыпал всю дрянь, что Маруся на себя мазала. Порошки, притирки, белила да помады. С радостью растоптал. Банки и пузырьки с духами, что оставались, просто смахнул, глядя, как они разлетаются.

Затем перебил все вазы и фарфоровые горшки. Отломил дверцу гардероба, достал из кармана нож и принялся резать платья, корсеты и панталоны, отбрасывая ошметки в черную вязкую лужу.

За дверью слышались попискивания. Тихие, уважительно-боязливые.

Вспоров кресла и кушетку – однажды Маруся сношалась с хахалем прямо на ней – Алекс переломал мебель о стены. На закуску высадил окно стулом и остановился, пытаясь отдышаться. Пот лил градом, но горячий липкий воздух не остужал.

Он найдет их обоих – его и ее. Найдет и своими руками распорет каждому брюхо, вот как этой сальной кушетке.

Но сначала – изрежет в лоскуты подлую смазливую рожу.

Маленький Петька покраснел и покрылся сыпью. Он натужно кричал, и Макар взял сына на руки, чтобы утешить. Но Петька начал брыкаться, ревя еще громче.

– Дай я, – предложила сестра.

Однако и у нее ребенок не успокоился.

– Что с ним такое? Ведь не младенец же. Голоден?

– Мы его сегодня кормили... Видно, захворал.

Макар снял со спинки кровати поношенную, но чистую рубаху.

– Пойду, поищу чего. Хоть и воскресенье, а руки могут кому сгодиться.

Дашка смотрела с недоверием.

– Совсем худо нынче с работой, – в оправдание заметил Макар.

– А что другие? Те, с кем ты прежде ходил на завод?

– Ну...

Те, кого после ареста отпустили, как и самого Макара, рассыпались, кто куда. Он теперь мало с кем встречался, но по слухам все-таки знал, что некоторые уволенные пристроились. Один даже приказчиком в лавку подался – вот перемена-то! Другие, что в большинстве, перебывались поденкой. Ну а третьи – оставались не у дел.

– Да так же, как я... У всех плохо.

– Я хочу пойти на мануфактуру, – сообщила сестра.

– Ты это... Не дури. Не позволю, – на правах главы семьи возразил Макар. Как только он освободится от Червинского – и это должно бы произойти прямо сегодня – то уж сам примется скальвать от зари до зари.

– Отчего нет? Платят, говорят, исправно.

– Не для тебя такое дело. Сиди дома, Дашутка, матери помогай.

– Штопкой особо не заработаешь.

– Так на портниху выучись.

Сестра грустно рассмеялась.

– Все шуткуешь, Макарка! Нас не сегодня-завтра из дома погонят, а ты – выучись...

Мать последние ложки на базар снесла, чтобы хлеба купить. Хотя на что нам ложки, коли есть нечего?

Макар давно заметил, что пропала не только посуда, но и мебель, которой и без того не хватало.

Сперва исчезла конторка. В другой день он, вернувшись, не досчитался обеденного стола. Затем и стульев. А как-то недавно он обнаружил, что мать и сестра устроились на ночь в одной постели. Про кровать-то уж молчать не стал – спросил, куда она подевалась. Мать заохала: дескать, из жалости отдала какой-то хворой соседке. Но, конечно, обманула. Оберегала Макара, чтобы совесть его глодала не слишком люто.

В тесных комнатах остались две постели, Петькина кроватка, сундук да одинокий стул. Если в самом деле придут выселять – а не особо похоже, что домовладелец шутил – так управятся в полчаса.

– Ничего, Дашутка... Не погонят. Вот увидишь – с деньгами вернусь!

В пятницу у Макара не вышло передать весть Червинскому – из театрального сквера он направился прямо домой. Зато в субботу едва проснулся – тут же пошел в гостиницу. Кое-как накарябал карандашом записку и отдал портю, как сыщик велел. Он оставлял сообщение впервые и очень надеялся, что Червинский последует установленному им же правилу и явится на зов, как обещал.

Макар поднял глаза, желая взглянуть на часы, но встретил лишь светлое пустое место на посеревшей стене.

– Пойду я, Дашутка. Передай матери, когда вернется – пусть не тревожится. Чую я: хороший сегодня день. Удачный.

Пожалуй, история все же стоит того, чтобы сыщик за нее заплатил. И не меньше, чем долг по аренде. А лучше больше, чтобы и на хворого Петьку осталось.

Идя в гостиницу, Макар готовился к долгому ожиданию, однако Червинский прибыл первым. Более того: судя по окуркам, он провел в номере довольно долго.

– Что ты узнал? – сыщик приступил к расспросам, лишь только за Макаром закрылась дверь.

– Все! – бодро отвечал он, располагаясь на нечистой кровати. Главное теперь – не растерять мысли и не спутаться. – Эх, жарница-то какая стоит! Невтерпеж.

– Ну? – Червинский не поддержал светскую беседу.

– Бывал я в Старом городе, как вы и велели.

– Давно пора. Не барышня.

– Зашел в трактир «Муслин», что недалеко от спуска, прямо на повороте.

– Я знаю, где это.

– Публики там много разной давеча собралось... И все говорили, говорили. Убийства, между тем, обсуждали. Невидимых-то ваших.

Макар промокнул лоб ладонью. От волнения он, как всегда, начинал забывать, о чем идет речь. Именно потому и экзаменов в реальном не выдержал. Зубрил месяц – но все пропало в минуты. И вот то же самое – прямо сейчас. Посреди беседы с Червинским Макар вдруг совершенно некстати припомнил прохладный, пахнущий мышами и сырой обувью, учебный класс.

Пауза затянулась.

– И? О чем языком-то чесали?

– А... Ну да. Сперва гадали – кто же это мог быть? Но потом заговорил один господин. Важно так. Дескать, все дело рук людей из театра, что у сквера. Они и нападают, а потом в самом своем театре ворованное хоронят.

– Прямо у себя? Так нелепо же. Что вдруг за театр?

– Кажись, «Борис».

– Хм. Любопытное название. Не слышал о таком. Ничего не путаешь?

Макар пожал плечами.

– И что за человек обо всем рассказывал?

– Откуда мне знать, господин Червинский! Не мог же я прямо у него спрашивать.

– И то верно. Но прямо и не нужно. Беседу-то подхватить вполне мог. Что ты еще узнал, Свист?

Продолжение речи агент не подготовил, и потому развел руками.

– Как, все? Ну что ж. Сегодня же отправляйся в тот театр и все выясняй. Понял?

Макар растерялся.

– Прямо так и пойти? Да кто же мне что скажет? А нельзя ли просто взять – и всех сразу задержать?

– Да ты в своем уме? С бухты-барухты? Когда все выяснешь, укажешь на виновных и на их схрон – тогда и придем.

Надежды продолжали рушиться.

– Мне нужны деньги, господин Червинский! – не своим голосом – жалобным и плаксивым – взмолился Макар. И внезапно нашелся: – Я не могу туда явиться вот так! Меня погонят!

Сыщик потер нос, раздумывая.

– Ну, на сей раз ты, пожалуй, прав. Выглядишь и в самом деле негодно. На вот, на новую одежду, – он достал прямо из кармана «красненькую» и положил на стол.

Макар аж сглотнул. А он-то уж подумал, что удача отвернулась окончательно. Теперь бы раздобыть еще четыре рубля – и, быть может, домовладелец, получив плату за месяц, согласится погодить еще немного.

Заметив радость Макара, Червинский усмехнулся. Поди ж ты, мелкий жулик – а туда же: будущей обнове радуется, как дитя.

Все-таки было не слишком правильно совсем не делиться с ним теми деньгами, что выделялись на агентов.

– Ну ладно, Свист. Справь костюм – и вечером в театр. К среде жду тебя с новостями.

Сжав дрожащей большой рукой купюру, Макар кивнул.

Театр – проблема. Там и впрямь придется поотираться, чтобы узнать хотя бы имена. На кого-то же надо указать. Но это будет потом.

Сейчас же он поспешит домой.

Не обманул сестру, ой, не обманул! Сердцем чуял, что день окажется удачным.

4

– «До сей поры не имеется ни одного подозреваемого. Полицейские признали, что преступники оказались слишком хитры, и, если они не оставят следов и впредь, то отыскать их не представляется возможным», – медленно, с чувством прочитал насмешливый сыщик с торчащими вверх волосами и пушистыми бакенбардами.

Двое недавно вошедших городских активно кивали после каждого предложения. Входя, они собирались что-то сказать – но, вероятно, сообщение терпело отсрочку, раз уж ему предпочли прослушивание субботних новостей.

Окончательно взмокший за часы ожидания в участке, Бирюлев чувствовал себя жалко. И без того унижительная роль просителя усугублялась особым отношением, которое здесь торопился выказать каждый, едва слышал фамилию репортера. Псевдоним не спасал – полицейские точно знали, кто за ним кроется.

– Ну-с, господин Бирюлев, вы и сами ответили на свой вопрос, – дочитав до конца, сыщик вернул на стол засаленную газету с кричащим заголовком. «Невидимые убийцы: полиция признала бессилие». Это все вина бестактного Титоренко – не удосужился придать заметке менее воинственный вид.

Бирюлев сглотнул и промолчал. Нервы ощутимо сдавали, и он весьма сомневался, что, заговорив, сможет держаться достойно.

– Как же мы сможем помочь, если, как вы сами заметили, мы бессильны? – глумился сыщик. – У нас не хватает ума для поиска хитрых убийц... Что тут поделать? Они слишком ловко запутывают следы.

Репортер смотрел в окно кабинета. Разбитое стекло с внутренней стороны закрывала картонка. Она мешала понять, что происходит на улице: виднелось лишь небо. Светло-голубое и уже выгоревшее, хотя лето только началось.

– Господин Червинский, я прождал вас более трех часов... Для того, чтобы вы... – голос дрогнул.

– Три часа? Ха. Это совсем недолго. Бывает, и с утра до вечера ждут. Скажи, Власенко?

– Еще как, – подтвердил городской.

– Отчего вы решили, что вы у нас – единственный? Вы обратились к нам только вчера, господин Бирюлев. Или как там вас? – сыщик снова заглянул в потрепанную газету: – Ого, «Приглядчик». Так вот, я расскажу, как обстоят дела. Людей у нас мало. При этом мы, знаете ли, живем в очень беспокойное время. Что ни день – то новые убийства. Настоящие. Жертв режут, душат, им проламывают головы. С ними происходит совсем не то, что с вашим батюшкой. Там же пока лишь ваши домыслы.

– Его убили!

– Не стоит злиться, право. Почему вы, в самом деле, так полагаете? Он мог сам умереть в своей постели. Скажем, от сердца. А потом, допустим, тело нашла прислуга – она и ограбила дом.

Звучало правдоподобно. Более того: столь простое объяснение еще накануне закрадывалось в голову и самому Бирюлеву. Но что-то с ним было не так, в картине чего-то смутно не доставало – и потому никак не удавалось успокоиться мыслью об естественной смерти.

– Отец никогда не маялся сердцем.

– В его возрасте такое могло произойти и внезапно. Впрочем, верно: утверждать что-либо рано. Вскрытие еще не готово. Если оно, конечно, поможет при нынешних обстоятельствах. Прележал он не меньше недели.

Бирюлев поморщился.

Городовой, отчаявшись дожидаться окончания разговора, подошел и шепнул что-то Червинскому на ухо. Тот возмутился:

– И чего вы стоите тут, когда уже давно должны быть там? Бегом! Неизвестно, сколько их туда явится.

– Но как же... Ведь Тимофей Семеныч ничего не сказал. Может, у него свой план, и мы все испортим?

– Он, видимо, забыл. Или же нам не передали. Это сейчас не важно, Власенко. Поспешите!

Когда полицейские вышли, Червинский, как ни в чем не бывало, продолжил:

– Однако, если спросите мое личное мнение, то я скажу и сейчас, до отчета медиков: вашего отца точно не задушили. Значит, причина не в невидимых, как вы зовете их в своих... ээ... заметках.

– Веревку могли снять. Да и убийцы не обязаны действовать одинаково! – запальчиво воскликнул репортер.

– А вы и впрямь многое знаете о преступниках, господин Бирюлев. Рискну предположить, что куда больше, чем я. Но даже если представить, что они решили забрать веревку с собой, то на шее бы обязательно остались следы. Кроме того, дверь в дом вашего батюшки была открыта, а вещи разбросаны. Еще два несоответствия характеру тех, кому вы это – не понять, почему – приписываете.

– Отец, как и все остальные жертвы, жил один и держал у себя разные старинные вещи. У него украли редкую золотую брошь! А монеты, которые он привез из Египта? Да они цены не имели.

– За такими вещами охотятся не только невидимые.

– Вы нашли его прислугу?

– Еще нет.

– Отчего?

– Я вам уже ответил. Пока мы не знаем, что расследовать – грабеж или убийство. Если вскрытие покажет, что ваш отец, как я и предполагаю, умер сам, то делом займутся городовые.

– Когда? Через месяц? Год?

– Быстрее. Но не немедленно.

– Я хочу видеть вашего начальника.

– Это невозможно: он в отъезде.

– Понятно, – Бирюлев подчеркнуто достал из кармана пиджака блокнот с вложенным карандашом и что-то в него занес.

– Пометки к моей новой статье, – объяснил он. – Люди интересуются: почему убийцы не пойманы? Вот я и расскажу им о ваших методах. О том, что полиция отказывается работать.

Червинский пожал плечами:

– Одной меньше – одной больше. Какая разница?

Репортер записал и это и широко улыбнулся:

– Не упустите завтрашнюю газету.

Однако предвкушение маленькой мести не слишком облегчало печаль.

А что, если самому найти отцовскую кухарку, не дожидаясь, когда ей займется полиция?

Для начала стоит расспросить прислугу по соседству. Такие люди всегда охочи до сплетен, чем не раз помогали в работе. Наверняка смогут подсказать, где искать.

Спозаранок Матрену разбудили громкие причитания.

– Мама! Мишаня! Сестрицы-бы...

Голосила средняя – та, что служила в няньках. Если она явилась домой ни свет, ни заря, это значило только одно: ее выгнали.

Похоже, увидев обгоревшие сени, девка вообразила невесть что.

– Улька, да тут мы все! – крикнула мать, не открывая глаз.

На полу, проснувшись, завозились младшие.

Шлеп-шлеп. Так и шла, небось, всю дорогу – разувшись, чтобы сберечь обувь. Молодец.

– Мама! – бросилась на шею.

Матрена погладила дочь по теплым волосам. Отстранила, поднялась на топчане, бегло перекрестила.

– Я уж подумала, сгорели вы. Как же так вышло?

– Да как... Подождли вчера.

Ульяна ахнула.

– Так не сами? Кто?

– Да кто их знает.

– Дядьки чужие, – влез младший. – Они Дуньку забрали.

Средняя округлила глаза и потрясла головой.

– Как забрали?

– Увезли на телеге.

– Что ты говоришь? Мама!

Матрена запустила пальцы обеих рук в волосы и зажмурилась. Она до ночи пыталась вызнать, куда могла деться ее русалка. Обошла весь береговой бедняцкий квартал. Многие соседи видели, как дочь, ревушую на всю улицу, увозили. Но, конечно, никто не подумал вмешаться.

– Да как же? Быстро ведь гнали, – оправдывался толстый Демидка, который бы и лошадь ударом кулака уложил, если бы захотел.

– Не наше то дело, Матренушка, – отвечала прачка Лукьяниха. – Наша хата с краю, вестимо.

Еще бы: не их ведь дитя среди дня из дома увели.

И ведь привет передали – что тревожило непониманием. Не значили ли их слова, что готовы вернуть Дуньку в обмен на сверток? Или то всего лишь слепая материнская надежда? Ведь, если так поглядеть, то, хотели бы поменяться – поди, передали бы, где их отыскать.

Скорее, наказали за то, что взяла чужое... Но если все-таки нет?

Что же делать с вещицей? Если Матрена отдаст ее сегодня в полдень, как обещала – не потеряет ли оттого дочь навсегда? А если не отдаст – то вдруг и Дуньке уже не поможет, и остальных выгоды лишит? Штука-то непростая, кому попало не сбудешь. И без того пришлось прежних знакомцев припомнить. Из той давней поры, когда она после смерти бочарника работы не разбираала.

Ох, Дунька, Дунька... Что с ней сейчас?

– Вернется твоя сестрица, – сухо ответила Матрена. – Точно говорю.

– А когда? – заинтересовался сын.

– Скоро. Ты-тут какими судьбами, Улька? Погнали?

Понурился, дочь кивнула.

– Прости, мама...

– За что хоть турнули-то?

– Дитенка из колыбели выпала и расшиблась. Я не доглядела. Заснула... Аж не заплатили.

Матрена встала, потянулась – и пошла накрывать на стол. Даже закопченный в пожаре самовар поставила – дочь, как-никак, пришла.

Младших, как обычно, утянуло на улицу, средняя принялась помогать.

– Что Витя? Что Ваня?

– Витька был на неделе, про Ваньку давно не слышно. Не пускают, видать.
– Ясно... Мама, так что с сестрицей? Ты при маленьких говорить не хотела?

Вот упрямая: опять душу бередит. Матрена вздохнула.

– Ты уже знаешь все, что и я.

– Но как же так? Кто они? Отчего избу подожгли?

– Отстань, Улька, – грубо оборвала мать. На сердце стало совсем гадко.

Сели за стол, но ели в молчании. Даже младшие не егозили, вели себя прилично. После Матрена начала собираться.

– Убирать идешь? – спросила средняя.

– Нет, не пойду сегодня. Другое дело есть. Вот что, сбегай-ка ты в город. Знаешь, где рабочие с завода живут?

– Так я же возле их кварталов и служила... Неблизко снова туда идти.

– А ты не ленись. Вот, возьми на извозчика, так и быть, – прачка вынула из стоявшей на полке масленки несколько монет и протянула дочери. – Поспрашивай там квартиру.

– Для кого?

– Для нас.

– Как? Мы уезжаем? А что, если Дуня вернется – ты же сама сказала...

– Будет перечить матери, – прикрикнула Матрена.

Выйдя из дома, она отправилась на берег – но не туда, где стирали, а гораздо дальше.

Боязно: а вдруг кто уже обнаружил припрятанное? Но вроде нет: издали приметил сваленные ушаты, которые сама же и натащила. Под ними – песок да галька: копать удобно даже ладонью. Достав сверток, Матрена бдительно огляделась по сторонам – не смотрит ли кто? Задрала юбку, осторожно уложила вещицу в чулок и для надежности перемотала лентой – сверху и снизу. Как только доставать-то? Смеху будет...

Удостоверившись, что ноша держится крепко, Матрена мелкими шагами отправилась на базар, в лавку старьевщика. Несмотря на допоздненное время, солнце палило, вызывая жажду и головную боль. Темя напекло и через платок.

Она пришла раньше, чем назначали.

На этот раз в лавке был не только старьевщик, но и незнакомец – морщинистый, с длинными седыми усами, свисавшими на острый подбородок. Они что-то обсуждали, но с приходом прачки беседа прервалась.

Матрена сделала вид, будто заглянула за покупками, и принялась рассматривать оббитых фарфоровых барышень.

– Что же не здороваешься, Мотя? На сей-то раз принесла, что обещала? – окликнул старьевщик.

– Здравствуйте, судари, – она легко поклонилась и долгим взглядом окинула посетителя.

– Не бойся. Это и есть покупатель.

Господин кивнул.

– Как так? Ты сказал, будто сам...

– Ну, мало ли, что сказал. Ты тоже уговор не сдержала. Принесла?

– Принесла.

– Ну, тогда показывай.

Лавочник подошел к двери и накиннул засов.

– Чтоб не мешали.

Разумно, но Матрене отчего-то не понравилось.

– Ну ладно... Отвернитесь-ка.

Прачка достала сверток, раскрыла, сбросив тряпье под ноги.

– Вот!

– Вы это ищете, господин? – спросил старьевщик.

- Оно самое! – подтвердил вислоусый. – Дай-ка поближе посмотреть.
- Сначала платите, сударь, а потом смотрите, сколько захочется.
- Э-эх... Кто так торгует. Откуда мне знать – может, подделка? Знаешь, сколько их развелось, Матрена? Вот скажи – откуда она у тебя?
- Неважно.
- Очень важно! Если скажешь правду и я пойму, что не врешь – получишь свои деньги. Господин достал кошелек, расстегнул, показал содержимое – много-много бумажек, на которые, поди, не то что снять другой дом – новую жизнь купить можно.
- Ну же?
- Мое. От бабки досталось.
- Вислоусый махнул рукой – дескать, пустой разговор.
- Ну, говорил же тебе, что тут ничего путного не купишь... Каждый обушь норовит. Зря ты меня от дела отнял, да еще и по такой жаре, – обратился он к лавочнику.
- Эх, простите, господин, – тот снова направился к двери, видимо, собираясь ее отворить. – Ну, чего? Иди, шельма, и больше не появляйся. Дельных людей не тревожь.
- Да настоящее у меня! Самое, что ни на есть! Он собирал то, что из других стран свозили, – опешив, поспешила оправдаться Матрена.
- Кто – «он»? – спросил господин.
- Хозяин мой... Старый Лех Коховский.
- Вислоусый одобритительно кивнул.
- Слышал про его коллекцию. Авось и впрямь подлинное. Как ты ее из дома-то вытянула?
- Да никак... Помер ведь Старый Лех... Неужто не слышали?
- Помер? Когда?
- Так почти неделю назад, в прошлый вторник. Убили его. Невидимки.
- О, невидимки... Хм. Интересно. Ну так что, покажешь?
- Старик, ухмыляясь, двинулся в ее сторону. Ничего особенного: хочет посмотреть... Матрена отступила на шаг, спрятав руки за спину.
- Он подошел почти вплотную.
- Еще шаг. Успеет ли она отворить запор и выскочить?
- Господин толкнул Матрену в угол, и, без особо труда разжав ей пальцы, вытащил то, что они сжимали. Опустив предмет в своей карман, ухмыльнулся:
- Ну, что дальше делать будем, Матрена?

- Пристукивая каблуками по полу, Алекс допивал очередную бутылку.
- Ночь он провел в театре, спать не ложился. Выпито – не пересчитать. Обычно хмелел медленно, но тут уже перебор. Нажрался изрядно.
- Развезло – подобрел.
- В узкой гримерке – не чета Маруськиной – собрались все актеришки.
- Щукин – румяный, потный, щеки блестели жиром, как масляный блин – опять разливал вино по стаканам.
- За первый день нашего великого успеха!
- Алекс в эту чушь не вникал. Но, судя по восторгам, покривлялись накануне удачно. Маруська, если бы не сбежала, сейчас бы тоже здесь от радости корчилась.
- Кто бы мог подумать, что мы справимся! – рассмеялась над головой Надька Драгунская. Она сидела на подлокотнике кресла.
- Как это кто? Я! Я всегда говорил: мы – отличный театр! Мы еще покажем этому скучному городу, что такое настоящее искусство! – заливал Щукин.

Уже качался, но языком трепал складно.

– А все спасибо нашему благодетелю! За здоровье нашего основателя – Алексея Иванныча!

– За здоровье!

Стаканы звонко сошлись. Алекс тоже приветственно поднял бутылку и отхлебнул.

Надька все терлась рядом, точно кошка:

– Удивительно – вот так сыграть Ирину! Вы не представляете, что за чудо, когда публика так живо реагирует.

– За наших прекрасных сестер – Драгунскую, Шишкову и Афанасьеву! – снова сообщил Щукин.

– А я ведь госпоже Елене не чета. Даже роль-то ее толком не знала. Так, не более трех раз весь сценарий от начала просматривала. Но нас вызвали на бис!

Надоело.

Алекс залпом допил, отставил бутылку, и, пошатываясь, вышел.

Держась за стену, он пробирался по коридору, когда настиг цокот.

– Вам помочь? – ласково спросила Надька.

Бесцветная. Скучная. Лицо длинное, узкое. Глаза навывкате.

Поддержаться не за что.

Алекс помотал головой.

– Если вы не сильно против, я бы все же составила вам компанию, – уперлась актриска. – Нужно поговорить... Эх, наверное, лучше бы не сейчас, но трезвый вы меня либо вовсе слушать не станете, либо же пришибете...

Вышли в сквер. Алекс и без того едва стоял на ногах, а от душного раскаленного воздуха совсем подурнело. Драгунская, однако, схватила под руку, подвела к лавке.

Он сначала на нее откинулся, а потом и вовсе прилег. Над головой кружились зеленые ветки.

– Вы меня слышите? Я хочу кое-что рассказать... При других не стала...

– Да что там у тебя?

– Госпожа Елена говорила в пятницу после спектакля с одним господином. Я слышала их разговор. Она собиралась встретиться с ним в тот вечер.

Зеленое болото по-прежнему затягивало в трясины. Хотелось спать.

Он не слушал.

– Я тогда спросила о нем у... друга, и он сказал, что это старьевщик из Старого города.

Алекс резко приподнялся и посмотрел на Драгунскую, но тут же сощурился. Красные, пьяные глаза слезились от света.

– Какой он?

Надька пожала плечами, глядя куда-то вверх.

– Ну... Не знаю. Тусклый. У него короткие светлые ресницы и ямочка на подбородке. Вот тут, – она показала на себе.

Чертовски бестолковое описание.

– А еще?

– Одет в бежевый сюртук... Нет переднего зуба... – принялась перечислять все, что вспомнила.

Точно — он. Привет из прошлого.

Вот, значит, с кем сбежала Маруська. И когда – а главное, где? – успели снюхаться?

– Отведи-ка меня домой, Надька. Знаешь же, где живу?

Сперва надо проспаться. А потом наведаться в Старый город. Прежде, еще до встречи с Маруськой, его кварталы были Алексу домом.

– Да, конечно.

Драгунская приподняла, обхватила за пояс. Он кое-как встал с лавки, и они побрели по скверу.

С утра Макар наконец-то отправился в доки. Театр никуда не денется – тут можно и подождать день-другой, а семье надо есть. И Петьку лечить тоже – а то мальцу уж совсем скверно. Макар бы сам, наверное, и не понял, да передались тревоги матери, весь день хлопотавшей у кровати.

К счастью, домовладелец, получив «красенькую» Червинского, подобрел и согласился подождать с выселением еще неделю.

– Макарка, где взял? – вечером, когда уже легли спать, тихо подкралась сестра.

– На базаре заработал.

– Ой, брешешь. За день-то – и десятку? Ну правда, скажи.

– Ммм...

– Скажи.

– Я сплю, не мешай.

Мать вопросов не задавала.

Макар задумался, наблюдая, как над водой у пристани кружатся, вереща, мелкие речные чайки. Если сбить голубя, то его можно и на суп, а из такой, пожалуй, ничего не сварить.

Баржа объявила разгрузку. Рабочих, стоявших поодаль в поисках поденки, как ветром сдуло – все устремились на клич зазывалы.

Когда Макар опомнился, стало уже поздно. Работу он упустил.

– Макар! Ты?

Рабочий улыбнулся, оборачиваясь – признал голос Степана. Прежде они вместе вкалывали на чугуноплавильне. Он тогда и позвал на ту забастовку. Хотя и сам тоже не виноват особо – за компанию увязался.

Они давно не виделись. При прошлой встрече положение приятеля было едва ли не хуже, чем у самого Макара. Но сейчас он выглядел превосходно – приоделся щеголем и даже, кажется, располнел.

– Ну как дела, брат? – Степан крепко стиснул в объятиях, похлопал по спине.

– Да как... Все мыкаюсь. А ты, гляжу, неплохо?

– И то верно, не жалуясь. Пойдем, что ли, выпьем за встречу?

Макар посмурнел.

– Не могу я уйти. Работа нужна.

Степан понял заминку правильно.

– Да брось – раз приглашаю, то и плачу. Идем.

– Неудобно как-то...

– Ну хватит ломаться, Макарка.

Степан ухватил товарища за рукав и едва ли не силой увлек в ближайший трактир. Сели, выпили и за встречу, и за прошлое. Перешли к нынешнему.

– Никуда не могу пристроиться, – заметил Макар сокрушенно, хоть и не совсем искренне. Большую часть времени он пробездельничал по поручению Червинского.

– Из-за завода? – с пониманием уточнил Степан. – Вот и меня никуда не брали.

– Но взяли же?

– Да как сказать, – рассмеялся собеседник. – Не то, что взяли, но на жизнь хватает.

– Как же ты устроился?

– Ну... Тебе-то доверять можно. Видишь, взяли мы тут втроем... Я, Ванька и Сенька с Павловской мануфактуры. Знаешь их?

Макар помотал головой.

– Толковые, – Степан поднял вверх большой палец. – В общем, есть у нас дело. Не совсем чистое... Но верное. Может, и ты подсобишь, если что. Только навар разный, сразу говорю: иной раз и «катеринка» выйдет, другой – четвертная, а порой так и червонец всего.

– Это же за сколько месяцев – «катеринка» -то?

– Да за раз же! Ну ты и тугодум.

У Макара, накануне готового продать за десятку душу, такое и впрямь не укладывалось в голове.

– А что делать надо?

– Вот это понимаю – разговор, – одобрил Степан. – Но только не здесь. Сперва выпьем, а потом подходи к вечеру к нам, в латунный склад – недалеко от твоего дома. Там и поговорим. Идет?

– Идет! – рассмеялся Макар и поднял стопку. – За дружбу!

5

Накануне, покинув полицейский участок, Бирюлев направился в газету, хоть нужды в том особой не было. Титоренко сам предложил не приходить, а вместо того заняться печальными приготовлениями.

В редакции встретили с сочувственным любопытством. Выразив соболезнования, коллеги принялись выпытывать детали.

– Даже представить не могу, каково это: обнаружить отца с веревкой на шее, – вздохнул Вавилов.

– Ох, и не говорите! Наверное, они еще и поглумились, как в прежних случаях, – сокрушалась Крутикова.

– Нет, он лежал в своей постели.

– Напрасно вы пришли сегодня, друг мой... Вам бы отдохнуть, – вдруг заметил автор культурной колонки, внимательно посмотрев в бегающие глаза Бирюлева.

– Верно, вы совсем не здоровы, – участливо подтвердила барышня.

Взъерошенный, покрывшийся лихорадочными пятнами репортер и впрямь выглядел неважно.

– У меня есть новости. Не до отдыха, – высокопарно ответил он и сел за стол, подвигая к себе чистые листы.

Все, что хотелось рассказать, потоком вылилось на бумагу не более, чем за час.

– Готово, – громко сообщил Бирюлев и поспешил к Титоренко.

Однако тот, едва начав читать, отложил статью. Снял пенсне, потер глаза, и чересчур ласково посоветовал:

– Шел бы ты домой, Георгий. Супруга тебя ищет – уже сюда приходила. Ты-то, поди, снова ей не сказал, куда запропастился? Ну, так не тревожься: я объяснил, что ты занят.

Репортер энергично потряс головой, отгоняя слова, как гнус.

– Как моя новость, Константин Павлович?

– Не пойдет, – после небольшой заминки сказал редактор.

– То есть как? – с тех пор, как появились невидимые, уже подзабылось, до чего неприятно звучит эта фраза.

– Обычно. Одни эмоции да неприязнь, но нового – ничего.

– Как – ничего? Полиция не пожелала опросить свидетелей! А неприязнь, конечно, есть, но только не от меня, а ко мне, – горячо затараторил Бирюлев, но Титоренко оборвал:

– Я тебя понимаю... Хотя, чего там – такое не поймешь. Но на твое место я бы точно не захотел. Однако разносить в газете пустые сплетни не стану. Я ж не баба-лоточница.

Репортер резко встал. Вышел из кабинета, и дальше – из редакции, даже не забрав свой портфель.

Домой? От одних мыслей об Ирине становилось совсем тоскливо. Он бесцельно слонялся по улицам, пока не наткнулся на довольно убогую гостиницу «Офелия».

Внутри оказалось тускло, пыльно, безлюдно – впрочем, думалось, что оживление наступало с приходом вечера. Холл освещали зеленоватые электрические лампы. Пахло непросохшим бельем.

Лысый старик-портье, вынырнувший из-под конторки, заставил вздрогнуть от неожиданности.

– Мне бы номер почище на пару дней.

Старик кивнул и протянул ключ.

– И водки принести.

Портье и здесь согласился.

– А на закуску что изволите?

Бирюлев пожал плечами: голода он не испытывал. И потому даже не обратил внимания, что именно по своему разумению доставил лысый старик. А вот горькая прищлась кстати. С непривычки тошнило, но репортер все равно упрямо пил до тех пор, пока начисто не избавился от мыслей и не уснул.

Расплата за часы покоя впечатляла. Впрочем, страдая физически, Бирюлев отвлекался от переживаний.

Уже давно перевалило за полдень, когда он ощутил не только улучшение здоровья – но и, вместе с тем, некоторое облегчение тяжести на душе.

– Ирина тут меня ни за что не найдет!

Глупая детская шалость. Ведь не намерен же он всерьез перечеркнуть разом целых пять лет усилий?

Пора возвращаться к жене... Ночь после страшной находки репортер и так скоротал за разговорами в будуаре жрицы любви.

Впрочем, нет. Не сейчас.

Нет, нет, нет.

Лишь представив лицо Ирины – крупное, квадратное, в обрамлении светлых искусственных завитушек – Бирюлев ощутил, как усилились похмельные муки.

Какое-то время он поживет и в гостинице.

Вызвав прислугу, репортер потребовал принести студня с рассолом. Перекусил, ополоснулся теплой и пахнувшей затхлостью водой из таза, отряхнул, насколько мог, помятый костюм-тройку и спустился вниз.

Отчего бы и впрямь не сделать за мерзавцев-полицейских работу?

Добравшись на извозчике до дома отца, Бирюлев с тоской взглянул на закрытые ставни. Заходить внутрь он не собирался, по меньшей мере, несколько недель. Может, к тому времени жуткий запах немного ослабнет. Придется нанимать рабочих... а потом и вовсе продавать дом. Жаль. Тихое, спокойное место.

Однако, к кому же зайти? Сын ничего не знал про отцовских соседей.

Осмотревшись, он решил начать визиты со стоящего поодаль двухэтажного особняка. В таком наверняка водилось много прислуги.

Мучительно вспоминая, как звали кухарку, репортер поднялся на крыльцо и постучал.

Дверь открыла хозяйка.

С недоумением окинув взглядом гостя, чей вид нынче не внушал доверия, она холодно поинтересовалась:

– Чем могу помочь?

– Здравствуйте, сударыня... Разрешите представиться: Бирюлев, – он отступил на шаг, чтобы увеличить расстояние до тонкого носа соседки.

– Бирюлев? Его убили, – еще более сухо ответила дама.

Всем, кроме полиции, очевидно, что смерть отца – не случайность.

Проклятые бездельники. Ну ничего, еще найдется способ им насолить, и неважно – с помощью Титоренко или без нее.

– Я сын вашего соседа. Георгий Сергеевич.

– Ах вот как... Беленькая, Елизавета Семеновна.

Фамилия дамы невольно напомнила минувшую ночь в гостиничном номере – а еще больше неприятные моменты утра.

– Что же вас ко мне привело?

– Дело в том, что я разыскиваю прислугу отца. Она отчего-то вдруг резко исчезла. И я подумал, что кто-либо из ваших людей по-соседски мог бы подсказать, где ее найти.

– Да, они весьма болтливы. Но позвольте спросить: неужели есть подозрение, что она?..

– Всякое может быть.

Обернувшись, дама позвала:

– Марфуша! Выйди-ка!

Пришлось поторопить дважды.

Пока ждали, соседка принялась расспрашивать о происшествии. Уже в который раз за минувшие дни репортер повторил неприятный рассказ.

– Полагаю, отца убили невидимые, – резюмировал он.

Дама охнула.

– Я знала! Я в газетах читала про этих головорезов. Из-за них дом приходится закрывать на все запоры.

– Пятый случай за месяц, – отметил Бирюлев.

– Ох, как же страшно... Слухи-то мы знали, но так, в деталях... Буду молиться, чтобы полиция поскорее поймала негодяев.

Горничная, наконец, вышла на крыльцо.

– Марфуша, скажи обо всем, о чем господин спросит.

Хмурая, неразговорчивая прислуга – каждое слово из нее приходилось доставать чуть ли не силой – поведала, что отцовскую горничную звали Аксиньей, что она давно не показывалась и проживала в бедняцком квартале у реки.

– Третий дом по ту сторону, что и мостки. Прямо в крайнем ряду, близко к воде.

Поблагодарив, Бирюлев собрался откланяться. Однако все же не утерпел и задал вопрос, терзавший с тех пор, как он в последний раз посетил отчий дом:

– Как же так вышло, что к нему совсем никто столько времени не заглядывал?

Соседка вздохнула и пожала плечами.

Комната, отгороженная деревянной стеной с вырубленным в ней окном, напоминала хлев. Тут ходили, сидели и даже лежали прямо на полу человек тридцать – и большее число из них такой сброд, что представить тошно.

И с ними пришлось коротать ночь.

Устроившись в углу, Матрена попыталась задремать, уперев голову в стену, но вскоре очнулась. По ней кто-то шарил – не то в поисках карманов, не то еще с какими недобрыми мыслями. Прачка вскочила и перешла поближе к оконцу, чтобы, если вдруг что, суметь дозваться помощи, но до утра больше глаз не сомкнула.

Вокруг всхлипывали, кашляли, молились вполголоса, шумно ловили блох...

Стояла невероятная духота. Хотелось пить, но пока еще не настолько, чтобы отважиться зачерпнуть из гнилой общей бочки.

С того момента, как лживый старый сыщик водворил сюда Матрену, прошел уже целый день. За это время ее подозвали дважды. Сначала – безучастный полицейский спросил в окно: какова фамилия, род занятий, сколько лет да где проживала.

– Судима?

– Нет, – сглотив, глухо сказала Матрена.

Во второй раз ее вывели. Проводили в полупустой кабинет, где дважды сфотографировали – стоя и сидя на стуле. Потом обмерили, как будто собирались шить платье: всю, от головы до ног и даже обхвата рук. Затем подвели к отдельному столу, и, вымазав пальцы в ваксе, приставили каждый поочередно к бумаге.

– Отчего я здесь? – задала Матрена обыденный при ее обстоятельствах вопрос.

Ответ, разумеется, был и без того совершенно ясен. Куда уж понятнее? Схватили при попытке продажи краденой вещи из дома убитого.

– Сама, поди, знаешь.

– Не знаю.

– Так я тоже не знаю.

Вот и весь разговор, а после прачку снова вернули в хлев.

И как только умудрилась так опростоволоситься? Лет немало, а дура душой. Эх. Верно говорят: не умеешь – не делай. А если думаешь, что умеешь, то все равно лучше не суйся – можешь и ошибиться да клыки пообломать.

– Когда со мной говорить-то станут? – обратилась она к безучастным соседям, занятым каждый своей бедой.

– Любят они это дело – потомить подольше, – дородная крестьянка, по виду – столько же лет, что и Матрена, лузгала на пол припасенные семечки. – Все, почитай, ждуть упарились.

– Но мне-то нужно им сказать. Я ж старика не убивала.

– Все тут ни в чем неповинны, милая, – ухмыльнулась баба. Вместо передних зубов у нее торчали пеньки.

– Так я ведь и сама пострадала. Девку у меня украли, – Матрена села, прижавшись ноющей от долгого неудобного положения спиной к стене.

– Ха-ха, – раздельно просмеялась соседка. – Небось, сама себя и покрала. Ничо, нагуляется и вернется.

Матрена не обратила на обидные слова внимания – думала. Сейчас нужно собраться, как никогда. А не скорбеть да рыдать, как некоторые другие поблизости.

– Да как бы я его порешила, если все утро дома была? В тот день и вовсе задержалась... И сама же за городовыми пошла, – принялась размышлять вслух. – Девка вот могла бы подтвердить, взрослая она, в лета вступила. Да только как раз ее невидимые и забрали.

– Неужто сами невидимые? – недоверчиво присвистнул одноглазый, что стоял прямо над головой.

Прачка отмахнулась.

– И младшие тоже дома сидели, но от них толку чуть. Как-то они там без меня? Одно хорошо: вовремя Ульку прогнали. Так... На улке нашей меня мало кто заметил – все уже разбрелись. Да и даром, что соседи – и видели бы, да не сказали. Проку с них никакого. Вот если бы Улке передать, будто бы она раньше вернулась и со мной в тот день оставалась. Хотя тут тоже можно пропасть: а что, если хозяев ее прежних найдут?

На полу, собрав под собой ноги, сидел кудрявый юноша лет восемнадцати, похожий на матрениного среднего, и смотрел куда-то в точку перед собой. Оказалось, внимательно слушал.

– Да, мать. Попала ты в переплет.

– Что украла, то украла. Тут нечего отпираться, грешна, – отвечала Матрена. – За то и с полгода в исправительном доме посидеть согласна. Но у старика и до меня много чего взяли, а ему все равно уж разницы нет.

– Кто? Невидимые? – снова с сомнением спросили сверху.

– Они самые! Даже полиция так сказала. Они и придушили хозяина, не я.

– Все тут невинные, – затянула старую песню крестьянка.

– Уж не фартовая ты, мать, – посочувствовал кудрявый. – Ты либо не ты, а все на тебя повесят. Так им проще. И ждет тебя не исправительный дом, а каторга бессрочная...

Матрена вздрогнула. Таких мыслей она и допускать не хотела.

– Эх, как бы доче-то моей передать, где я... С кем бы весточку послать, что меня, невинную, оболгать пытаются и сгноить ни за что, ни про что, – сказала прачка, а затем замолчала.

Вспомнила.

Алекс не сразу сообразил, что его разбудило. Какой-то звук.

Он поднялся на постели, которую прежде делил с Маруськой – сейчас ее место занимала Драгунская – потряс головой и прислушался.

Снова. Скрежетание, словно кто скребется в стекло. Точно: бросают комья сухой земли.

Алекс встал, открыл окно, высунулся. Неосмотрительно, но с нынешним идиотским занятием совсем потерял хватку.

На улице стоял сопляк из театра. Обычно он бегал по поручениям.

– Лексей Иваныч! Вас какой-то бродяга ищет! Господин Щукин велел передать, чтобы срочно пришли.

– Чего-чего?

Как будто в порядке вещей: ходить на встречи с бродягами. Что за дерьмовая шутка?

– Это по поводу госпожи Елены...

Вспомнился вчерашний день и слова Надьки. Видно, старый приятель прислал кого-то из своего отребья. Все же надумал передать, что потаскуха теперь живет с ним? Ну если так, то что ж. Пусть заплатит, что на нее потрачено, и пользуется властью.

Но хотелось бы, конечно, просто порешить обоих.

– Скажи – скоро буду.

Алекс принялся одеваться. Драгунская приоткрыла глаза, улыbnулась:

– Уходишь?

– Ты тоже уходишь.

Похоже, не приняла всерьез.

– Вставай! Живо!

Поднялась, однако все равно пришлось торопить: уж больно медленно собиралась. Алекс же в кои-то веки и впрямь спешил в театр.

В зале сидел, с тревогой озираясь по сторонам, костистый рабочий. Рвань – вся одежда истрепана.

Над ним нависал Щукин. Увидев Алекса, просиял, указал пальцем:

– Это он! Вести от госпожи Елены принес.

– Все не так было, – стал препираться гость. Бас не вязался с сухим телом. – Я только сказал, что видел вашу даму...

– Что там у тебя? – вмешался Алекс.

Выяснение деталей нисколько не заботило.

– А вы еще кто? – дерзко спросил рабочий.

Закатав до локтя широкий рукав, Алекс ударил гостя прямо в свежую ссадину на переносице. Потекла кровь. Зажав нос ладонью, он смотрел с удивлением, но без особого страха.

Легкий и прежде умел подбирать людей.

– А теперь говори, что хотел.

– Я ничего...

– Он сказал, что видел госпожу Елену в тот день, когда... – начал Щукин.

– Заткнись.

– Не знаю, чего вам от меня надо. Пойду, пожалуй, – рабочий привстал.

Положив руки ему на плечи, Алекс вернул гостя в кресло.

– Что передал твой хозяин?

– Да нету у меня хозяина! Без работы я. Уж второй месяц.

Вспоминая слова посыльного, Алекс занял место рядом с рабочим. Может ли быть, что он сам не так понял?

– Принеси мне выпить, – велел Щукину.
Тот оскорбленно замер.
– А ну, пошевели жиром!
Вышел, громко вздыхая.
– Так что ты хотел сказать про Маруську?
– Я вообще только спросил: дама, говорю, тут у вас была. Красивая. Вернулась ли? Ей еще рот заткнули на улице, а потом утащили...
Ну нет, тут точно скрытое сообщение.
– И куда же?
– Да бог весть... Я-то случайно заметил. Смотрел на нее, когда она с кем-то стояла. Ну, после разошлись они, она отошла – и тут как кто-то на нее бросится...
– Кто?
– Да не разглядел я в потемках... Но там еще один господин все видел. А больше никого не было.
– А другой кто?
– Да почему мне знать? – рабочий отпустил руку. Струйка крови вырвалась, шустро сбегала по подбородку и упала на застиранную поддевку. – Говорю же: в сквере я сидел. Они тут стояли, у входа. Второй за дамой вышел и позвал ее. Но как увидел, что схватили – за кустами затаился. Зря: там фонарь, видно хорошо.
– Так... Ты кто будешь?
– Макар я. Веселов. А ты?
Прост, как три копейки. Наверху такое приходилось встречать нечасто.
– Алексей. Так, стало быть, Макарка, где тебя найти?
– А чего меня искать? Я живу в квартале рабочих, на улице Зеленой, в доме Бехтерева...
Номер три.
Алекс усмехнулся.
– Чего?
– Улица ваша.
– Ну да. Никакая она, в самом деле, не зеленая. Серая. Но так ведь некрасиво. Мысли разбегались, как клопы из разворошенной перины.
– Так что ты сюда пришел?
– Да просто. Гляжу – театр. А я – без работы. С завода меня погнали, говорю ведь. Ну, думаю, спрошу – может, разгрузить чего надо... Перенести...
– А Маруська – вот так к слову пришлась?
– Дама-то? Ну да. Гляжу – лицо ее на наклеенной картинке. Ну, и спросил. Ничего... Нужно все проверить, и тогда станет ясно, что тут за сообщение. Вот только в голове просветлеет. Сейчас в ней будто котелок каши.
– Ну так что, Алексей? Пойду я? И, ежели что, я зла на тебя не держу, – рабочий показал рукой на нос.
Надо же.
– Жена твоя, что ль?
Алекс кивнул.
– Ну, тогда бывай!
Рабочий поспешил к выходу. Через миг за ним громко захлопнулась дверь. Алекс поморщился. Хорош вход в долбаный театр. Всегда бесил.
Откинулся на сиденье – и оно тоже взвыло. Сколько тут отвратительных звуков. Он закурил и задумался.
Если вдруг Маруська у Легкого не по своей воле, то чего он хотел от Алекса?

Едва унеся ноги из театра, Макар бегом припустил к складам. Не то, чтобы опаздывал – просто хотелось поскорее убраться.

Так его еще нигде не встречали: сначала схватили, едва рот открыл, а потом – сразу в зубы, без разговоров.

Гиблое место! Еще говорят – культура... А он-то думал, что нет ничего хуже Старого города – где, впрочем, ни разу и не бывал.

Проклятый Червинский!

Зато имелась и польза – теперь встречи с сыщиком можно не опасаться. Уж найдется, что рассказать. Макар не только вышел на главного – похожего на беса чернявого Алексея. Молод – лет тридцати, не больше, а злобы, что в сатане.

Нет, он даже о том, что внутри творилось, разведал. И в доказательство мог предъявить свой разбитый нос.

Все-таки, что бы ни говорили, имелось у него какое-то непростое чутье. Не случайно он на тот театр сразу решил указать, еще до того, как увидел, что даму от него ташат. Вот и угадал: секретов там хватало.

Впрочем, надо надеяться, что на этом знакомство с культурой и кончится. Больше Макар по театрам – ни ногой.

Внезапно он остановился, как подкошенный. Зачем свой адрес-то назвал? Вот болван! А все оттого, что слишком перепугался.

Рабочий сделал глубокий вздох. Так когда-то учил мастер: «говоря тебе, что ты совсем негодящий – а ты стой себе, молчи да дыши». И впрямь, помогало.

Отдышавшись и снова порадовавшись расставанию с Алексеем, Макар задумался о грядущем.

Сегодня он вместе со Степаном и двумя рабочими с мануфактуры Павловой – ныне все хозяйство покойницы забрал в свои руки управляющий – собирался окончательно обговорить все детали и разойтись на неделю.

Само по себе занятие Макара совершенно не привлекало. Одно дело – кошелек на улице, а другое – то, что предлагал щедрый на неважные идеи Степан.

Макар вовсе не забыл, что именно приятель и виноват – пусть не со зла – в его нынешнем положении. Помнил он и о том, что предыдущее подобное начинание привело к знакомству с Червинским.

Но четвертная бы точно избавила всю семью от забот на месяц. А если Степка не обманул, и Макару перепадет не одна такая, а целых четыре? И всего лишь за ночь! Это не десять часов у станка каждый божий день, за исключением воскресного.

Если все так и пойдет, они скоро в люди выбьются. Поди, собственный дом купят. Без домовладельца и аренды. Дашутка на швею выучится, как мечтает. Мать станет чай гонять сутки напролет, а Петька – сахарными петушками лакомиться.

Широко улыбаясь грезам, Макар еще больше ускорился.

6

– Батюшка ваш меня отослал. Как помню – воскресенье было, когда я его живым видала в последний раз, – Аксинья всхлипнула, но больше для виду. – Я и сама выходной собиралась просить – к сестре сходить, да за утро раздумала. Распря у нас с ней вышла аккурат накануне... А Сергей Мефодьевич как раз вернулся откуда-то в добром настрое. Но как меня заметил – так сразу и огорчился. Походил-походил, да и ко мне на кухню. Иди-ка, говорит, Аксинья, где-нибудь погуляй. Родных навести, или, если вдруг желание будет, в синематограф загляни. Я отвечаю: да некуда мне идти, дел нет. А он на чай мне дал, да щедро – целый пятерик! Тут уж как можно упрямитесь? Собралась я да и пошла, в самом деле. К сестре все же пришлось податься, хотя и разлад у нас с ней случился...

– А вернулась когда?

– Так на второй день. С утра и пришла.

– Черный ход ты открыла?

– Нет, не я. Не заметила даже, отперт ли он. Мы через него и не ходили, почитай, никогда.

– И потом что?

– Захожу, зову вашего батюшку, зову... Тишь. Думала, снова куда вышел. За уборку принялась. Вот, гляжу я в его спальню – а там он и лежит... – вздохнув, кухарка перекрестилась.

– Почему же ты никому не сказала? Из-за тебя он, выходит, неделю так пролежал! – не в силах больше сдерживаться, закричал Бирюлев.

Аксинья прижала руки к ушам и запричитала:

– Простите меня бабу-дуру – шибко испугалась! Неровен час бы и меня за ушко... Ведь всегда так: что случись – сразу прислуга виновата.

Оглядывая нищую избу – даже пол земляной – репортер склонялся к тому, чтобы поверить кухарке. Если бы Аксинья имела какое-то отношение к смерти отца, то вряд ли бы ей хватило смекалки и выдержки не бросить все и не сбежать сразу же.

– Вон и с Матрешкой так. Забрали ее. В смерти хозяина винят. Хотя какая из нее убийца? Семеро по лавкам. И избу ей сожгли. Видели небось, когда мимо шли? Детки еешные теперь по миру пойдут голодранцами.

По дороге репортер обратил внимание на обгоревший, распахнутый настежь дом. От него тянуло гарью вперемишку с сыростью – похоже, пожар произошел совсем недавно.

– Что, говоришь, с ней? – прежнее объяснение он прослушал.

– В полицию увели. Дескать – хозяина своего порешила. То бишь, господина Коховского.

Бирюлев смутно вспомнил служанку, которую встретил на пороге дома Старого Леха.

– Его убили невидимые. Как, думаю, и моего отца.

– Вот и я про то же! Матрешка-то не при чем! Но вроде штуку какую-то покраденную у нее нашли.

Что же сказали в полиции про прислугу? Отчего-то сыщики не желали признавать ее причастность к невидимым... Точно: у половины жертв горничных да кухарок на месте не имелось. Якобы. Неизвестно, как обстояло на самом деле. Лично Бирюлев никогда бы не стал верить этим алчным и лживым людям. Прислуга Ирины ухитрялись из-под носа уносить даже ложки.

– Смотри, Аксинья: сбежишь – значит, ты отца и убила.

– Да бог с вами, Георгий Сергеевич! Куда мне бежать? Ох, простите, простите дуру.

Репортер встал с шероховатой табуретки, зацепившись штаниной. Только чудом не порвал. Выходя, едва не ударился головой о низкую потолочную перекладину перед сенями.

– А кухарка вам не нужна? – умоляюще спросила на прощанье Аксинья.

Отказавшись, Бирюлев вернулся в накладный – особенно теперь, когда все источники дохода разом иссякли – гостиничный номер.

Еще какое-то время он сможет продолжать вести привычную жизнь, получив невеликое наследство. А что потом? Переезд в дом отца? Даже о визите туда думать неприятно – слишком свежо в памяти последнее посещение. Назад к Ирине? Вариант ненамного лучше. С каждым днем перспектива встречи с женой удручала все больше – но вечно от нее прятаться не получится.

В газете репортер тоже не показывался с того самого дня, как Титоренко ответил отказом. Бирюлев до сих пор чувствовал себя уязвленным.

В среду он вновь посетил полицию и в очередной раз рассорился с Червинским.

Гадко усмехаясь, сыщик разрешил забрать отца из мертвецкой – вот только, увы, все те гнусные опыты, что над ним проводились, ничего не показали. Тело, и впрямь, пролежало до вскрытия слишком долго.

Незнакомый городской вытащил разгневанного репортера из кабинета, а потом неожиданно принялся утешать, как дитя:

– Да будет вам... Отыщем мы тех, кто это сделал. Малинкой, поди, потравили, раз следов других нет.

– Чем?

– Смесью водки да морфия. Часто такое у нас случается, вот только обычно господа в себя после приходят. Просыпаются в своих постелях.

Благодарный за то, что в убийстве отца хоть кто-то не сомневается, Бирюлев заметил:

– Червинский-то как раз искать виновных не хочет...

– Не гневайтесь уж так сильно, – городской подкурил папиросу и протянул Бирюлеву. – Невидимые у них с Бочинским...

– А как же мой отец?

– Так все говорит о том, что не их вина. А у наших сейчас одна задача. Знаете, как их начальство прижало? Особенно после вашей статьи. Злые они на вас. Но ничего, переждите, и вами займутся.

– А вы отчего не злы? – с недоверием спросил репортер.

– А я им не друг, – улыбнулся полицейский.

Похороны состоялись в пятницу. Бирюлев никого не предупредил ни о дате, ни о времени, и потому на скромной церемонии присутствовал в одиночестве.

Вечером в гостинице он снова напился вусмерть. Спустился к портье и повис у него на шее:

– Я теперь полностью сирота!

Проспавшись и придя в себя, день пробездельничал – и вот, наконец, снова решил вернуться к собственному расследованию, толком не понимая, к чему оно, но будучи уверенным, что только так можно восстановить справедливость.

Придется поверить Аксинье и понадеяться, что она никуда не сбежит.

Вновь проходя мимо сгоревшего дома, Бирюлев заметил в обугленном дверном проеме перепачканную девочку. Увидев его, она быстро шмыгнула внутрь.

Вернувшись в номер, репортер потребовал принести прежние выпуски газеты. Когда пожелание исполнили – хоть и наполовину: не все удалось отыскать – он принялся изучать собственные заметки. К счастью, Бирюлев всегда имел склонность повторяться, и потому без особого труда собрал воедино все подробности, которые когда-либо слышал.

Другие жертвы невидимых, как и отец, собирали старинные вещи. Всех обокрали. Ценности Коховского – если верить отцовской кухарке – нашли у его прислуги. Горничная мануфактурщицы Павловой сказала, что хозяйка отпустила ее домой. Так же, как и Аксинья. Все это о чем-то, да говорит.

Старого Леха обнаружила служанка. Она уже в полиции, а значит, до нее не добраться. Появляться у Грамса, соседа Ирины, репортер не стал бы и за все сокровища мира. Оставались покойные полковник и владелица мануфактуры. В их дома Бирюлев еще никогда не стучался – а кто знает, что могли бы там рассказать?

Он нажал на кнопку звонка.

Кряхтя, старик Ферапонт вновь прошаркал по лестнице, кляня судьбу за то, что ничего нельзя знать наперед. Иначе бы он поселил неумного постояльца аккурат напротив своей конторки.

– Чего изволите? – угодливо спросил портье, приоткрыв дверь.

– Принеси-ка мне адрес-календарь.

– Один момент, сударь.

Пролистав справочник, Бирюлев выписал красивым почерком адреса, и, не откладывая в долгий ящик, отправился с визитами.

День опять стоял жаркий, и он подозвал извозчика, чтобы избежать утомительной прогулки.

Полковник жил буквально через несколько кварталов, в довольно оживленном, хоть и чистом районе. Доехав, репортер сверил номера домов со своей запиской и устремился к массивному кирпичному зданию. Сначала надо выяснить, не осталось ли у погибшего родственников. Может быть, они смогут чем поделиться?

Постучав в дверь, Бирюлев замер в ожидании. Однако не прошло и пары минут, как выглянул... Червинский, одетый в гражданское.

Удивились оба. Первым заговорил сыщик:

– Как вы нашли меня здесь, Бирюлев?

– По адрес-календарю, – совершенно искренне ответил репортер.

– Так вы с самого начала пронюхали? Что ж, можете написать и об этом. Напишите, я даже буду вам благодарен! Вы избавите меня от ваших невидимых, и я, наконец-то, отдохну.

– И в мыслях не имею, – из чистого противоречия возразил Бирюлев, не понимая, что к чему.

– Что вам нужно?

– Узнать о последних днях полковника. Мы решили рассказать подробности о каждой жертве.

– Думайте обо мне все, что хотите, но мне в самом деле известно не больше вашего, – устало заметил Червинский.

Он вышел на крыльцо, присел на ступеньку и закурил. Бирюлев не сменил положения и теперь возвышался над сыщиком – что вполне устраивало.

– Единственное, за что можно было зацепиться – это странные следы. Рассыпали муку – видимо, дядя, в отличие от остальных, сопротивлялся. Однако после того, как тут потопталась толпа, я больше не уверен, что те отпечатки оставили преступники.

Дядя? Репортер, наконец, уяснил связь.

– Что за следы?

– Эх... Да такого просто быть не может. Мне, очевидно, показалось, либо их повредили... Либо, что более вероятно, я чего-то не понимаю... – Червинский словно разговаривал сам с собой.

– Я тоже видел следы, – солгал Бирюлев.

– Где? В каком доме? – оживился сыщик.

– У господина Коховского.

– Как они выглядели?

Бирюлев задумался, представляя темный коридор Старого Леха.

– Отпечатки в пыли.

– А мы пропустили. Где же вы их нашли?
– На втором этаже, у спальни. С краю, – убедительно уточнил Бирюлев.
– Я и впрямь сойду с ума! – с тоской сообщил Червинский. – А они... не показались странными? Что они вам напомнили?
– А вам?

Сыщик посмотрел Бирюлеву в глаза, очевидно, размышляя о чем-то, но вслух произнести не решился.

Вместо того он предложил:

– Не хотите зайти?

– Да за что вы нас держите тут, как скот? – причитала крестьянка, встав аккуратно напротив стенового оконца. Оно, однако, и не думало открываться. – За что мы так маемся, без вины виноватые?

– Какой сегодня день? – спросила Матрена у маленькой рыжей воровки. Ее привели только вчера – в датах еще не запуталась.

– Воскресный. Десятое, июня месяца.

Прачка покачала головой.

– Ровно неделя прошла.

С тех пор ее вызвали лишь однажды. Спрашивали об убийстве, суля каторгу, а то и повешение. Про дочь, конечно, слушать не стали. А потом вернули – и забыли.

Обычное дело, по словам постояльцев.

– Вот в баню бы, – мечтательно вздохнула Матрена, расчесывая до крови искусанные клопами ноги.

– Ишь, чего захотела, – расхохотался одноглазый.

Пока наружу вышло лишь четверо. Трое – чтобы отправиться в тюрьму и исправительный дом, а вот про последнего говорили, что на волю.

Каждый раз, когда кого-то звали, Матрена вцеплялась в него мертвой хваткой и просила передать весточку детям. Как правило, ее отпихивали. Но кто-то и соглашался – но только те возвращались обратно.

Выпущенный же не сказал ни да, ни нет. Оставалось надеяться, что на радостях он подобрел и поспешил исполнить волю случайной соседки... Только, по правде, Матрена ни на миг в это не верила. Наверняка счастливец всю хлестал горькую – праздновал избавление, забыв обитателей хлева.

– Утомонись, Татьяна. Не голоси, – попросила Матрена. – Толку с того?

Как оказалось, вовремя вступила. Только крестьянка сделала шаг от двери, чтобы дать отповедь – как та отворилась. Не отклонись она – так зашибли бы. Отойдя подальше, баба тут же передумала спорить.

В хлев бросили очередного – плюгавого, крючконосового, в штопанной засаленной поддевке.

Потирая ушибленное колено, он проковылял к стене, сев рядом с Матреной.

– Э-эх... Проклятущие! – опомнившись, погрозил двери кулаком.

Соседи хмыкнули.

– И ведь не сделал же ничего! На ровном месте схватили – да и приперли сюда!

– Как и все. Да, как и все, – повторила любимую присказку крестьянка.

– Я мимо проходил! Гляжу – дверь открыта. Я и вошел. Отчего не войти?

– Спер что?

– Да когда бы? Оглядеться не успел – как эти за мной следом вломились и сюда привели.

– Ой ли? – недоверчиво усмехнулся одноглазый.

– Да ей-богу! Только наверх забрался. А там прямо в коридоре – висельник! Из крыши прямо свисает! Ну, так я малость и растерялся. А тут – они.

– Грех какой, – осенила себя крестом крестьянка. – Все-то बारे шуткуют, жизнь им не мила.

– Не. Легаши сказали – он не сам. Невидимки, говорят, – объяснил новый. – Те, что богатеев старых потрошат.

– Невидимки? – взвилась Матрена. – Да точно ли?

– Верно-верно. Этот, висельник-то, тоже всякий хлам у себя держал. А то что б я к нему пошел?

– Ох...

Матрена тоже перекрестилась, произнося про себя слова не молитвы о погибшей душе, но благодарности. Ну, сейчас-то тюремщики должны понять, что она не убивала Старого Леха. Может, теперь про нее все-таки вспомнят – и, если не выпустят, так хотя бы наказание определят?

Елена не представляла, сколько дней провела в заточении.

Иногда деревянная крышка колодца поднималась, и она видела небо – свет или тьму. И все. Явно недостаточно, чтобы сутки считать.

Сперва она думала, что умрет: от отчаяния ли, либо задохнется от сырости во влажном, наполненном червями, земляном склепе.

Елена долго кричала – до тех пор, пока не сорвала голос и не смогла лишь сипеть.

Никто не откликнулся.

С тех пор прошло очень много времени, но почти ничего не происходило и не менялось. Разве что крышку порой снимали. В нее закидывали хлеб и спускали ведро с водой. Один раз Елена попробовала его сдернуть, уцепившись за веревку. Не вышло – та тут же втянулась наверх.

Хлеба было мало. Постоянно хотелось и есть, и пить. Но хуже всего – холод. Он пронизывал, к нему не удавалось привыкнуть.

Ходила она в угол ямы, и остро чувствовала запах собственных нечистот.

Все.

Елена не знала, где находится. Схватив ее на улице и затолкав в повозку, похититель прижал к лицу мерзко пахнущую тряпку. Актриса старалась не дышать – рискуя уже не уснуть, а оказаться задушенной – но зелье все-таки победило.

Очнулась Елена, лежа на влажной земле вот в этой самой яме.

Очевидно, те, к кому она заглядывала в гости, чувствовали себя похоже.

Впрочем, нет. Они приходили в себя. Вставали на ноги. И шли, шли – на улицу, на службу, в театр, куда угодно. Шли на свет. На них не давили сырые стены и вечная темнота.

Наверное, так и в самом деле выглядит смерть.

А может, Елена и впрямь уже умерла?..

Почему она здесь?

Сначала актриса думала, что кто-то позарился на деньги Алекса и захотел получить выкуп. Иначе для чего ее держат взаперти, и, хоть и плохо, но кормят – однако при том даже не пытаются вести разговоры? Точно, именно так все и вышло. Елену привезли сюда – после чего тут же пошли к Алексу и сообщили свои условия. Накануне премьеры – он точно бы поспешил вызволить ее как можно быстрее, чтобы не погубить все дело. Иначе кто бы еще сыграл Ирину?

Елена ждала, казалось, целую вечность – но избавление не приходило. Неужели Алекс не захотел за нее заплатить? Как такое возможно? Он и впрямь нашел ей замену? Негодяй! Негодяй!

Или причина в чем-то другом?

Неужели месть?

Что, если кто-то, кого она посещала, все же выследил и решил отплатить той же монетой? Что тогда? Она проведет здесь остаток дней, постепенно все больше превращаясь в чудовище?

О, как же, должно быть, она подурнела!

А что, если все еще хуже, и ее похитили из-за тех, кому не повезло?..

Жутко! Жутко! Неужели же нет спасения?

Собираясь, Макар ступал на цыпочках и даже старался лишний раз не дышать. В потемках приходилось двигаться на ощупь. Он моментально вспотел от напряжения.

Однако одеться удалось тихо. Перекинув через плечо башмаки, Макар подкрался к сундуку и осторожно поднял тяжелую крышку. Но, едва он начал ощупывать содержимое, как зацепил что-то твердое, что с шумом упало на пол и застрекотало. Погремушка!

Разбуженная мать зашевелилась и шепнула:

– Что такое?

– Ничего, – Макар наконец-то ухватил платок и, вытащив, быстро затолкал в карман.

Мать привстала, вглядываясь в темноту.

– Что не спишь?

– Да вот, на двор хочу выйти.

– А в сундуке что искал?

– Игрушку Петьке.

– На что она ему ночью? Пускай себе спит, – она вновь улеглась.

Выйдя на улицу, Макар обулся и поспешил. Он опасался, что в темноте не сможет сходу найти нужный дом, и потому вышел пораньше. Оказался прав: сразу, в самом деле, ошибся переулком и уперся в тупик.

Нервничая из-за своей оплошности, но больше – от предстоящего, обернулся и припустил бегом.

– Рогатое дерево! Рогатое дерево! – твердил он про себя.

Днем, запоминая дорогу, Макар заметил неподалеку от нужного поворота старый тополь с раздвоенной кроной. И сейчас очень надеялся, что хотя бы со второго раза разглядит в тусклом свете фонарей столь приметного монстра.

Разумеется, если бы он попытался зайти со стороны улицы, то сложностей бы не возникло: на главный вход в лавку табачника указывала вывеска с огромными буквами. Однако добраться до черного, из-за особенностей застройки, можно было, только петляя проулками. Вот потому-то Степан и выбрал именно эту лавку. Говорил, проще затеряться – особенно, если что-то пойдет не так.

Затеряться то, может, и проще – да найти куда сложнее.

– Ты что так шумишь? – тихо, но зло возмутился Ванька-мануфактурщик, когда Макар добежал до назначенного забора и встал, шумно дыша.

Степан и Семен еще не подошли.

– Так вроде я тихо, – оправдываясь, пробасил Макар.

– Тсс!..

Рабочий достал папиросы, но Ванька больно ударил по руке, едва их не выбив.

– Не смей! Огонь заметят!

Вздыхнул, но послушался. Стояли молча, как показалось – долго. Макар начал пристукивать ногой от нетерпения, но подельник снова одернул:

– Стой тихо!

Наконец, подошли остальные. Кивнув, Степан указал на свой оттопыренный карман. Там, должно быть, лежал браунинг, которым он похвалялся в прошлый раз.

– Авось не сгодится, – шепнул. – Ну что, пошли?

Приступили к последним приготовлениям – достали и обвязали вокруг лиц шейные платки. Степан говорил, что нужно взять темный и непременно мужской, но у Макара такого не было. Ему достался цветной и бабий, очень плотный и длинный. Кое-как увязав его, рабочий понял, что рискует задохнуться.

Оглядев друг друга, тихо прошли вглубь переулка, к заветному входу. Ванька вытащил фомку, ловко и бесшумно выломал замок. Макар едва удержался, чтобы не восхититься вслух.

– Макарка, останешься следить здесь. Сема, подойдешь к лестнице. Лавочник глухой, как пень, но вдруг решит вниз сползти? – дал наставления Степан. – Все просто. Идем!

Приоткрыв дверь, подельники теньями прокрались внутрь. Макар, как и велено, остался сторожить вход.

Скорее бы! Он места себе не находил, нервно переступая с ноги на ногу. Безумно хотелось курить, но он мужественно терпел.

Товарищи все не возвращались. Может, что-то пошло не так? А вдруг им нужна помощь?

Из глубины дома донесся шум. На втором этаже зажегся свет.

Что же делать? Бежать отсюда или, наоборот, спешить внутрь?

Макар, стоя лицом к дому, принялся кусать заскорузлые ногти. Сбоку зашелестели кусты, миг – и чья-то рука схватила его за спину.

– Попался!

Он не успел даже толком понять, что происходит, как та же рука с силой втокнула его в прямо в дверь. Степан говорил – нужно свистеть. Но когда бы успел?

– Стоять!

– Кто здесь? – громко и отчетливо спросили откуда-то сбоку. – Что случилось?

Послышался топот. Трое из четырех, шедших следом, бросились вдогонку, оставив одного из своих держать Макара.

– Кто-то нас сдал! – голос Степана и следом звон разбитого стекла.

Вскоре городовые вернулись, ведя с собой Ваньку-мануфактурщика. Подошел, держа лампу, и лавочник – лысый, худой старик.

– Спасибо! Спасибо вам, господа! – он по очереди осветил лица задержанных, пристально вглядываясь в каждое. – И как же вы только подоспели так вовремя?

– Сообщение нам было, – буркнул полицейский.

– Ась? Повторите. Я плохо слышу...

Ванька, поджав губы, мрачно смотрел на Макара.

– Неужто это и есть те невидимые, о которых в газетах писали? – спросил табачник. – Хлипкие-то какие, а едва жизни не лишили. Как же вас отблагодарить?

Закончив обмен любезностями, городовые повели домушников в полицейский участок. Макару предстояло там оказаться уже в третий раз за полтора месяца.

7

Полицейские удачно отвлеклись на пьяного дебошира: Бирюлев незамеченным проскользнул в кабинет Червинского.

И – вовремя. Сыщик как раз приложился кулаком к скуле сидящего перед ним работяги.

– Что вы хотели, Бирюлев? – раздраженно спросил Червинский.

– Я выяснил кое-что о невидимых.

– Насколько важное? Вы же видите – я занят, – ответил сыщик тоном отвлеченного от нужного, но совершенно обыденного занятия.

– Крайне! То, что я узнал, многое объясняет.

Догадка, которую хотелось озвучить, возникла еще вчера – после того, как Бирюлеву вновь вспомнился разговор с городовым. А после утреннего визита в мануфактуру Павловой он окончательно убедился, что раскрыл один из секретов невидимых. Конечно, репортер бы предпочел поделиться соображениями с тем полицейским, что успокаивал на минувшей неделе. Однако в участке его сегодня не встретил, а имени в прошлый раз не спросил. Как теперь отыскать?

Увы, оставалось только одно: рассказать Червинскому. Помогать сыщику совсем не хотелось, однако желание найти виновных в смерти отца брало верх.

Рассчитаться за унижения можно будет и потом. И, возможно, куда лучше, если примечать побольше интересного – вот как то, что прямо сейчас происходило на глазах.

Уж тогда репортера не обвинят в беспочвенной неприязни.

Червинский посмотрел с сомнением – сначала на Бирюлева, потом на рабочего.

– Власенко! Ушаков!

Полицейские на зов не спешили.

– Эй! Городовые! – во всю мощь заорал сыщик.

Но потасовка, очевидно, продолжала удерживать всех неподалеку от входа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.